

П.А. ПОДРАБИНЕК

филиал ада на земле

«ПРОЦЕСС» ПО ДЕЛУ

КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКА

(почти документальная хроника)

Издательство «ПОИСКИ»

Париж 1982

ФИЛИАЛ АДА НА ЗЕМЈЕ

П.А.ПОДРАБИНЕК

ФИЛИАЛ АДА НА ЗЕМЛЕ

”ПРОЦЕСС” ПО ДЕЛУ КИРИЛЛА ПОДРАБИНЕКА

(Почти документальная хроника)

Издательство ”ПОИСКИ”

Париж 1982

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед нами почти протокольная запись отца о судебной расправе над его сыном...

Пинхос Подрабинек умеет описывать лаконично не только события, но и эмоции — так что за его внешним как бы спокойствием чувствуется исключительное внутреннее напряжение. Он умеет не терять присутствие духа даже в трагических ситуациях. Больше того, он находит в себе и в этих ситуациях силы не терять чувство юмора.

Пинхос Абрамович отличается быстрым и острым умом, открытостью характера, органическим соединением доброты с твердостью, мужества с мудростью, способностью объективно относиться даже к своим горячо любимым детям, тонким пониманием людей, особым обаянием и философской атараксией (в этом последнем можно особенно позавидовать моему ровеснику и другу).

Эти черты натуры отец прививал и двум своим сыновьям — Кириллу и Александру. Они рано лишились матери, и отец один воспитывал их. Он прививал им любовь к человеку, стране, природе, к правде и свободе. Любовь к детям и любовь к правде становились друг без друга неподлинными, ущербными... А когда, став уже взрослым, и написав книгу о психушках, Саша гордо кинул властям, что предпочитает заключение эмиграции, предложенной ими ему, они ничего не нашли более мерзкого, чем взять в заложники его ни в чем не повинного старшего брата Кирилла, "обвинив" последнего в том, что хранение рыболовецкого "ружья" (эти приборы свободно продаются даже в наших магазинах) есть запрещенное законом хранение... оружия.

...Но вот кончился срок у Кирилла. Отец мчится в Липецк, откуда в Елец, где в тюрьме находится Кирилл, предвкушая минуту радостной встречи... И вдруг — о ужас! — ему там заявляют, что Кирилла... снова будут судить и снова н и з а ч т о . Вообразите себе состояние несчастного отца в подобной ситуации... Сколько же мук может пасть на одного человека!

И то же самое они проделывают с Сашей: опричникам оказалось мало тех мук, которые он испытывал в ссылке, — и они решили заму-чить Сашу, дали ему здесь, в ссылке, повторный лагерный срок. И "за то" только, что он якобы дал кому-то... ч и т а т ь книгу, т.е. на правом языке н и з а ч т о .

Горю семьи Подрабинеков нет предела...

Автор назвал свой очерк "Процесс по делу Кирилла Подрабинека, июль 1980 — январь 1981 (почти документальная хроника)". Издательство же решило предпослать этому какое-либо емкое название, выражающее самое суть "процесса", самое идею текста Пинхоса Абрамовича. В этом тексте я нашел три весьма емких выражения, годных, как мне представляется, для подобного названия: "Феномен, который я принял за процесс", "В погоне за правосудием", "Филиал ада на земле". Какое из этих выражений выбрал бы сам автор или не выбрал бы ни одного, требуя оставить протокольное название, установить трудно: к великому сожалению, контакт с ним сейчас невозможен. Поэтому, если не потрафил я вкусу моего друга, да простит он мою "отсебятину". Выбрал я третье выражение, ибо первое очень длинное, а второе по сути — частный случай третьего, ибо те муки, которые Пинхос Подрабинек испытал в погоне за правосудием — тоже своеобразные пытки, существующие только в нашем Аду — и ни в каком другом.

И поэтому я призываю западную и эмигрантскую демократическую общественность учредить свободный трибунал по делу братьев Подрабинеков, на котором была бы во весь голос подробно вскрыта вся фальшь выдвинутых против них "обвинений" (на первичных и на вторичных процессах) и который на этом основании потребовал бы их немедленного освобождения. Необходимо также, на мой взгляд, организовать м а с с о в ы е (а не кушые) демонстрации в их защиту — перед зданиями советских посольств и других советских представительств в разных странах, помочь максимально комитету защиты Подрабинеков, находящемуся в Амстердаме.

Невозможно молчать о том, против чего даже камни вопиют!

Петр Абовин-Егидес

"Ой, Вань, смотри, какие клоуны..."
В.Висоцкий.

Предварительное следствие

28 июня 1980 года в 6 утра я был у проходной Елецкой тюрьмы. Истекли два с половиной года тюремного заключения Кирилла. Звоню в проходную, вхожу в тамбур, предъявляю паспорт. Дежурный заглядывает в список и предлагает вернуться через два часа.

- Да, он сегодня освобождается, принесите с собой белье для него.

Рассеиваются последние сомнения, его могли задержать на время Олимпиады. Возвращаюсь ровно к восьми и сталкиваюсь в той же проходной с административным чиновом.

- Вы кого ждете?

- Подрабинека Кирилла.

- Он сегодня не освобождается.

- Действительно, он должен быть освобожден завтра, но писал мне, что выйдет сегодня, ведь завтра воскресенье, не отпустят.

- Он и завтра не выйдет, вообще не скоро освободится.

- Почему?

- Ему предъявлено новое обвинение.

- В чем?

- Узнаете в прокуратуре города Ельца.

- Но хотя бы в двух словах, в чем дело?

- Он не отказывается от своих заблуждений.

- Вы хотите сказать - убеждений! Кто Вы?

- Заместитель начальника учреждения ЮУ 323/ст. 2, майор Пронин.

Еду домой, в Электросталь. В дороге ем, разговари-

ваю, даже шучу, но словно отравлен, что-то внутри распалось и нет сил собраться. Солнце ядовито, воздух неприятно щекотлив, мне бы хотелось забраться в норку подалеже от света, красок, людей и в темной тишине в который раз отвечать на вопрос, который меня давно преследует:

- Что ты сделал с мальчиками, отец?

- Как непросто тебе ответить, мать. Мы хотели, чтобы они выросли честными, справедливыми, я так их и воспитывал, когда тебя не стало.

- Вскружил им головы высокими словами и толкнул в темницы; вот чего ты добился, безответственный краснобай.

- Да, так, почти так, совсем не так. Болтун я, это верно, много разговаривал с ними, учил видеть, думать, понимать.

- И хвастал своим славным прошлым, верно?

- Тоже было, рассказывал и о себе. Да ведь не только говорил, но и примером своим показывал им как жить.

- Знаю тебя, ты хитрая штучка, доходишь до черты опасности и юрк в сторонку, предоставляя другим огребать беды.

- Ты неправа, нет, права, не совсем права. Есть в моих действиях осмотрительность, превосходящая осторожность слов, но мысль в своем бесстрашии и должна опережать действия, разве не так? Впрочем, я и сдержанность им прививал, но пойдя, удержи двадцатилетних мальчишек, вырвавшихся из-под твоей опеки.

- У меня бы не вырвались, ты погубил ребят, иезуит.

- Может быть и не вырвались бы. Стали бы благополучными либералами, все понимающими трусами.

- Как ты сам.

- На оскорбления мертвых не отвечают, это их привилегия. Не сяду я в тюрьму только потому, что они там, не сяду, чтобы доказать этим свою любовь к ним и благородство.

- Я скучаю по ним, расскажи, как вы жили без меня.

- Мы остались втроем, когда Кире было восемь, Саше семь. Дома жили, как на корабле, без женщин и уюта. О тебе говорили мало, но всегда помнили и любили. Лучше бы я умер, ты была им нужнее.

- Как они учились?

- Плохо. У детства нет врага злее школы. Здесь они учатся лицемерию и себялюбию, теряют индивидуальность.

- Где-то нужно учиться, получать знания, привычку к труду.

- Сумма правил, которые дети получают в школе, это не знания. Привыкать нужно не к труду, а к творчеству. Я старался развить у мальчиков способность к мышлению и стремление к истине.

- Представляю, какая им была лафа. Выросли бездельниками, верно?

- Не совсем. Кирилл в двенадцать лет пристрастился к математике и физике, в четырнадцать решал вузовские задачи, в шестнадцать одолел семь томов фейнмановского курса, а в девятнадцать послал в академический журнал серьезную статью, в которой единым теоретическим уравнением описал зависимость теплоемкости металлов от температуры. Сашу, правда, мне долго не удавалось увлечь наукой, но он в конце концов нашел себя как гуманитарий широкого диапазона. Они читали хорошую литературу, мы много путешествовали.

- На твою-то зарплату? Ты ведь тоже не любишь трудиться.

- Каждый мой летний отпуск мы добирались попутными машинами до Черного, Азовского, Каспийского моря, бродили вдоль побережья и в горах, просто по дорогам. За транспорт не платили, жили в своей палатке и тратились только на питание.

- Ты рисковал здоровьем и жизнью мальчиков, ветренный ты человек.

- Бывало всякое, но обошлось. Зато они юными видели то, что иному не удастся до старости.

- Они благополучно окончили школу, поступили в институты?

- Нет, не получилось. Кирилла не перевели в десятый класс. Он, видишь ли, объяснял сверстникам смысл чехословацких событий, пришлось ему кончать вечернюю школу. Пытался попасть в физтех и, конечно, безуспешно. Учился в геолого-разведочном, не понравилось, потом на физфаке педагогического, выгнали за организацию забастовки студентов на уборке картофеля: "Кормите нас как

людей, тогда будем работать как лошади". Саша окончил десятый класс с такой общественной характеристикой, что ему пришлось год работать лаборантом, чтобы получить другую. Поступил в мединститут, но учиться не стал, руки чесались по практическому делу. В сущности, это он нас привел в диссидентство.

- Что же дальше?

- А дальше ребята поступили работать, все равно они бы не удержались в институте из-за общественных дисциплин; врать впрямую при ответах они были уже неспособны. Затем Кирилл попал в армию, Саша занялся исследованием применения психиатрии в политических целях, еще дальше идет общеизвестное.

- Твоя совесть спокойна?

- Мне кажется, я совершил ошибку, слишком рано им предоставив самостоятельность. Молодые люди поразительно инфантильны, и к восемнадцати годам не созревают. Под зрелостью разумею достаточно устойчивую систему взглядов, в которых выверены все основные звенья. Я чувствовал зеленость мальчиков, но в свои пятьдесят не созрел до ее понимания, ибо сам был достаточно инфантилен. Полагая себя свободным, я естественно считал необходимым предоставить свободу своим близким, упустив обстоятельство, которое теперь хорошо сознаю: свобода, т.е. выбор решения, самое ответственное на свете дело. Есть, видишь ли, по крайней мере две разновидности свободы: свобода-независимость и свобода-долг. Свобода-независимость это стремление личности избавиться от внутренних и внешних ограничений. Чаще всего эта свобода находится на службе наших побуждений. Хочу есть, пить, двигаться, говорить, слушать, писать, читать и многое другое. Дается все это не даром, я определяю, стоят ли эти блага требуемой платы, принимаю решение: "стоят" и стараюсь расширить свою личность ценой усилий и различных неприятностей. Свобода-независимость, рассматриваемая в чистом виде, не считается со свободой других людей и потому часто оборачивается своеволием.

- Хочу свободы мысли, слова, печати и прочего.

- Зачем?

- Такова моя естественная потребность - расширить

эти свободы для себя, а тебя в них ограничить.

— Но это же несправедливо, можно как-то сделать, чтобы все были свободны.

Вот с этого бы и начал, а не со своей собственной свободы!

"Вот с этого бы и начал" приводит к понятию свободы-долга. У каждого человека имеется нравственное начало, и его понимание самая удивительная и важная вещь на свете. Они настолько свойственны человеку, что его можно представить как животное, наделенное осознанным нравственным чувством. Совсем по Канту, с переходом к Богу, который и есть сохранение и развитие духа, частица которого в каждом из нас.

Мне не приходится размышлять над доказательствами того, что такое хорошо и что такое плохо, когда это касается существенных сторон жизни. Знание хорошего и плохого мне дано непосредственно, оно заложено во мне генетически и в прижизненных связях со всем окружающим. Мое дело высвободить это знание из-под хлама, которым оно завалено, очищать его, пестовать, прислушиваться к нему, выполнять законы совести, свой долг. Скорее всего я столкнусь на этом пути с требованиями свободы, но если даже это будет свобода для себя, она неминуемо останется в рамках нравственной программы, свободой по велению долга, заботой о своем "я" как частице вселенского духа.

Ты меня не слышишь, ты снова ушла, я опять произношу монолог, но вслед тебе скажу: все это я понял слишком поздно и не успел разъяснить мальчикам. Скорее всего, ничто бы не изменилось в их поведении. Подхвативший их поток был чист и благороден, не слиться с ним было грешно, и я сожалею лишь о том, что не снарядил их в тяжкое плавание обретенным мной компасом веры, пригодным за пределами всех иссякаемых потоков.

Ем, разговариваю, шучу, а мысли возвращаются к мальчикам. Саше сейчас легче. Не только потому, что у него в ссылке относительная свобода, поддержка навещающих друзей, рядом молодая жена и родившийся Марк. Свершение Саши четко и однозначно, случившееся равновесно, и он может о нем не жалеть.

Кириллу же лишь теперь брезжит избавление от дву-

смысленной судьбы. Мне не нужно было разговаривать с ним, чтобы знать: он испытывал унижительное чувство опрванного достоинства, лишившись свободы не за свое дело и оказавшись осужденным как уголовник. Только теперь душа его расправится в горькой отраде нового срока, на сей раз соответствующего его личности. Мой долг - поддерживать его и не дать зарываться... Насколько я сумею, ибо человек предполагает, а ГБ располагает.

... Вернувшись домой, посылаю начальнику тюрьмы телеграфный запрос - почему Кирилл продолжает содержаться в тюрьме? На следующий день получаю телеграфный же ответ:

ЕЛЕЦ 034/1 17 30 16.20

ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ СЫНА ОБРАЩАЙТЕСЬ ПРОКУРАТУРУ
ГОРОДА ЕЛЬЦА - НАЧАЛЬНИК УЧРЕЖДЕНИЯ.

Какая стыдливость! Речь, оказывается, идет не об основаниях задержания Кирилла, но об отсрочке его освобождения... И вообще это не его, начальника тюрьмы, дело.

Несмотря на все уговоры и увещевания, ничего не предпринимаю, жду первого шага от официальных органов. Проходит месяц, молчат. Тогда еду в прокуратуру г.Ельца. Третьего августа у меня состоялся следующий разговор со следователем Федюкиным.

- Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов, - говорю я, - в чем обвиняется Кирилл?

- В устном распространении заведомо ложных измышлений о советском государственном и общественном строе, статья 190¹ УК.

- Среди кого он "распространял измышления"?

- Среди осужденных.

- Он разговаривал с каждым наедине или в группах?

- Почему это Вас интересует?

- Потому что разговоры наедине имеют пониженную юридическую достоверность.

- Понимаю Вас. Осужденные - такие же граждане, как мы с Вами, они дееспособны, несут ответственность за свои показания.

- Хм, а моральный облик уголовников?

- Существуют только уголовные преступления, и уго-

ловники тоже советские люди.

- С какого времени Кирилл "распространяет измышления"?

- С тех пор, как поступил в учреждение.

- То есть два года. Вы не можете объяснить, почему администрация не пресекла его деятельность и ему предъявлено обвинительное заключение перед самым истечением срока заключения?

- Администрация принимала меры, с ним объяснялись, убеждали, но напрасно.

- Простите, я имею в виду более действенные меры.

- И это делалось.

- Нет, не делалось. За все время пребывания в Елецкой тюрьме он не получил ни одного взыскания, его не лишали прогулок, ларька, передач, не ужесточили режим.

- Откуда Вы знаете?

- Я к нему приезжал на свидания раз в полгода, разговаривал не только с ним, но и с представителями администрации. Они постоянно меня заверяли, что у сына хорошее поведение, отбывание наказания протекает, так сказать, нормально.

- Ну, не знаю.

- Да, не знаете. Два года копили на него компрометирующие материалы вместо того, чтобы препятствовать их появлению... если было что копить. И удивительное совпадение, накопили как раз ко времени его освобождения.

- Для анализа, проверки нужно время.

- Кирилл подписывает ваши документы?

- На этот вопрос не могу Вам ответить.

- Не можете ответить, подписал ли он обвинительное заключение?

- А, это подписал.

Так, значит показаний Кирилл не дает.

- Как долго продлится следствие?

- Точно не скажу, примерно месяца два.

- Как же я попаду на суд?

- Суд будет открытый, на открытый суд может придти всякий желающий.

- А я ведь Вас не об этом спрашиваю. Как я попаду на суд, если не буду знать, когда закончится следствие?

- Об этом Вам сообщит судья, если захочет, об окон-

чании следствия - я.

- Могу я с ним повидаться хотя бы в Вашем присутствии?

- Зачем?

- Узнать, как он выглядит, обсудить с ним кандидатуру защитника.

- К сожалению, свидание во время следствия я предоставить не могу. Чувствует он себя удовлетворительно, о защитнике договоритесь через меня.

- У меня больше нет к Вам вопросов. У Вас ко мне?

- Нет. Какие же вопросы? Вот только... Не хотите быть свидетелем на суде сына?

- Какой же из меня свидетель? Я не мог слышать как он распространяет измышления среди заключенных.

- Но Вы могли бы дать характеристику сына... полезную для него.

- Я подумаю над Вашим предложением.

- Это не предложение... Если бы Вы мне понадобились как свидетель, я просто бы вызвал Вас. Это Ваше ходатайство, а не мое предложение.

- И как же я должен его подать?

- Если мне, то устно и мы сейчас же этим займемся.

- А еще как можно?

- Если в письменном виде, то ходатайство подайте прокурору.

- Какой же для меня все-таки смысл в таком ходатайстве? Моя характеристика сыну ведь не существенна.

- Почему же, может быть существенной. Потом, Вы как свидетель точно знали бы, когда начнется суд, присутствовали бы на нем...

Какой прыткий молодой человек, как он уверен, что умнее других, этот наглый и растяпистый маккиавелист!

- Хорошо, я подумаю, до свидания.

Выхожу в коридор и сажусь писать прокурору жалобу. Посылки Кириллу футболеят между Ельцом и Электросталью, т.к. вес тары включают в вес посылки, а я возражаю.

Прокурора для меня сегодня не было и не будет, собираюсь отдать свою жалобу секретарю под расписку, когда он вдруг заявляет, что товарищ Нужнов здесь и может меня принять. Понятно. Мимо меня проходил Федюкин, он решил, что я строчу ходатайство, из кабинета позво-

нил прокурору и тот готов со мной поговорить. Прохожу к прокурору Нужнову, Федюкин протискивается вместе со мной. Однако их ждет разочарование, подаю жалобу и говорю только о посылке. Добиваюсь своего и ухожу.

Еду поездом домой, качаюсь на верхней полке в такт вагону и размышляю. То, что я с ходу отклонил предложение быть свидетелем, это правильно - что Федюкиным на пользу, то мне во вред. Тем более правильно, что мне дано время на раздумье. Зачем же, все-таки, они выкинули этот странный фортель, что хотели выгадать? Два мотива я уяснил себе почти сразу, еще в прокуратуре, об одном догадался только сейчас, еще о двух гораздо позже, но приведу их тут же. Вот они.

1. По существу, администрация и осужденные - это свидетели обвинения. Я приятно бы разнообразил эту публику как свидетель защиты.

2. Узнав, что я даю показания и не зная какие, Кирилл был бы поставлен в затруднительное положение, ему пришлось бы раздумывать о едином плане поведения при отсутствии контактов со мной.

3. Допущенный на суд в качестве свидетеля, я могу быть опрошен после всех других и лишиться возможности присутствовать на судебном следствии, самой информативной части судебного разбирательства.

4. Как свидетель я был бы лишен права требовать защищать Кирилла.

5. Я мог бы зарваться как свидетель и наговорить такое, что суд вынес бы мне частное определение.

Раздумываю и над смыслом печально-знаменитой статьи 190¹, отправившей столько добрых людей за решетку. ... "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй", что это значит и почему преступно?

На первый взгляд, крепко сколоченная статья, не вызывающая сомнений. Ты выдумываешь и распространяешь небывлицы, умаляющие достоинство советского государства, унижающие общественные отношения между советскими людьми, так вот тебе три годика на размышления о вреде, который ты нанес государственному и общественному строю.

Однако, вдумаясь внимательнее. Под статью 190¹

подпадают только измышления заведомо ложные. Спрашивается: для кого заведомо ложные? У меня нет под руками уголовного кодекса, чтобы посмотреть диспозицию статьи, но нетрудно сообразить, что заведомая ложность измышлений относится к самому измыслителю. В самом деле, если бы она относилась к объекту измышлений, то статья по смыслу выглядела бы так: "Распространение порочащих советский государственный и общественный строй измышлений, ложность которых предусмотрена законом". Но закон не может заранее предвидеть все будущие измышления людей о государстве и обществе, поэтому такое толкование отпадает.

Итак, статья 190¹ имеет в виду людей, которые не только распространяют вредные государству и обществу измышления, но и заранее знают, что эти измышления ложны, т.е. людей, которые лгут сознательно.

Думается, ввиду этой оговорки о заведомой ложности измышлений, статья 190¹ должна не людей отправлять в тюрьму и лагерь, а самое себя в мусорный ящик. Действительно, невозможно установить заведомую ложность таких измышлений, если только сам обвиняемый ее не признает. Случаи признания бывают, но очень редко, примерно по такой схеме.

- Да, я распространял измышления о советском государственном и общественном строе.

- Вы знали, что Ваши измышления ложны?

- Да, знал, что клевету, я сознательно лгал.

- Почему же Вы это делали?

- Подкупили. Жаждал славы. Думал обойдется. Мстил за то, что водка подорожала. Что выгнали с работы и так далее.

Любопытно, что признание в заведомой ложности измышлений освобождает от наказания или смягчает его, хотя именно такое признание позволяет применение статьи 190¹.

Как правило же, обвиняемый по статье 190¹ утверждает, что все им говоренное, написанное - правда, а не измышления, а если и признает, что некоторые частности не соответствуют действительности, то настаивает на том, что они допущены по оплошности, небрежности, недостаточной осведомленности, в общем, по досадной ошибке.

И вот тогда, хотя недоказанность заведомой лжности измышлений не позволяет применения статьи 190¹, он и получает по ней срок.

Станем на минутку на сторону потерпевшего урон государства, признаем, что на него возведена вредная напраслина. Закон, охраняющий государство статьей 190¹, обычно не имеет юридически-обоснованной возможности наказать обвиняемого, т.к. заведомая лжность его измышлений практически недоказуема. Если даже признать наличие таких измышлений, то в подавляющем большинстве случаев людей судят за ошибки мышления, поскольку не доказана их заведомая лжность.

Это настолько нелепо, что хотелось бы узнать, как статья 190¹ появилась на свет, чья голова ее измыслила? Мне это, конечно, не установить, да и не стоит труда, но у меня есть догадка о ее происхождении.

Статья 190¹ аналогична по форме, да и содержанию статье о заведомо лжных измышлениях, порочащих частное лицо, которую механически перенесли на государственный и общественный строй как объект клеветы.

Тут-то законодатель и промахнулся. Он не учел, что заведомую лжность измышлений об отдельном лице несравненно легче доказать. Иван Иванович оклеветал Петра Петровича потому, что тот был с ним груб, или соблазнил его жену, или не вернул денежный долг и пр. Если Иван Иванович умен, то будет отрицать эти мотивы и сошлется, уличенный в клевете, на дезинформацию, скажем, вследствие которой назвал Петра Петровича взяточником и развратником. Иван Иванович признается в своей ошибке, поблагодарит суд за разъяснения и урок, извинится перед Петром Петровичем, может быть, даже пожмет ему руку. Органам правосудия придется трудновато, но все-таки они могут доказать нынешнюю лживость Ивана Ивановича, ведь он сам, к примеру, трепался, что отомстит Петру Петровичу и объяснял за что, есть свидетели, которые это покажут.

Характерная же особенность обвиняемых по статье 190¹ в том, что личные мотивы их недовольства государственным и общественным строем растворены работой сознания в безличностных, оценочных суждениях об этом строе, суждениях искренних, субъективно правдивых, за которыми нет эгоистических мотивов, суждениях, горячо

отстаиваемых, несмотря на уготовленную обвиняемым участь.

Нет, определенно статья 190¹ юридический брак и вместо нее следовало бы придумать что-нибудь поумнее.

Впрочем, и я не шибко умен, копаясь в законодательстве. Будто дело в законах, будто их совершенствование может что-нибудь изменить. Статья 18 УПК недвусмысленно разрешает любому желающему присутствовать на открытом суде. А разве позволяли мне занимать место в залах заседаний, где судили моих друзей и знакомых?! Даже на кассацию, где нет судебного разбирательства и прений сторон, процедуре скучной, неинформативной, сугубо формальной, не всегда пройдешь. Мне, во всяком случае, пришлось отрывать руки одного типа от двери, чтобы пройти в зал Верховного Суда РСФСР на ул. Куйбышева, в центре Москвы, где в 78 году утверждался приговор Саше. А чем только не пугала и не угрожала мне милиция гор. Черновцы, куда я попал за пожелание присутствовать на суде над Иосифом Зисельсом! До того всполошились, что за казенный счет купили мне обратный билет и посадили в самолет рейсом на Москву.

Лучше подумать о собственных глупостях. Вот одна, весьма актуальная. Нас с Кириллом радовали свидания в Елецкой тюрьме. Бывали они лишь раз в полгода, ибо общий тюремный режим штука более жесткая, чем строгий лагерный. Нам пришлось по вкусу обстановка свиданий. Приезжал я с утра, но допускали меня к Кириллу лишь во вторую половину дня, после совместных свиданий других заключенных с их родными. Это, положим, понятно. Кое у кого из заключенных мог вскоре кончатся срок, мы могли друг друга запомнить и потом встретиться по просьбе Кирилла. К тому же, наши с ним беседы могли оказывать на зеков развращающее влияние. Поэтому тюремный холл предоставлялся в наше единоличное временное владение, разумеется, с надзирателем впридачу. Впрочем, и он, бывало, нас покидал, иногда надолго: пожалуйста, говорите о чем угодно (все записывается на магнитофоне), передавайте информацию жестами (мы подглядываем), записками (отнимем на обыске после свидания). Тоже понятно. А вот длительность свиданий, 2-2,5 часа вместо положенного одного, мы приписывали собственному остроумию,

от которого были в восторге.

На этот прием я набрел еще в Тобольском лагере, где добился пятиминутной встречи с Кириллом, которого привели в кабинет начальника лагеря прямо из карцера. Как только начальник готовился прервать встречу, я вспоминал что-нибудь интересное из текущих диссидентских событий. Разумеется, общеизвестное, но за далью и некомпетентностью начальника представляющее для него находку. Встреча продолжалась, чтобы записать интересное на магнитофон, который был у него на столе. Мы продолжали затем говорить о том, о сем, а когда начальник снова собирался оборвать встречу, я подкидывал новую пикантную историчку.

В какой-то момент мы слишком надолго отвлеклись с Кириллом от занимательной для начальника тематики, он прекратил беседу. И то сказать, мы вместо пяти обещанных минут проговорили двадцать с лишним и выкурили по сигарете.

То же повторялось на свиданиях в Ельце и мы, повторяю, были с Кириллом восхищены результатами, которые приписывали своей находчивости.

А не в большем ли восхищении было начальство, позволяя нам говорить и наматывая Кириллу новый срок, о чем мы не догадывались, но что выяснилось теперь.

Вели мы себя достаточно осторожно, оценочных суждений себе не позволяли, тайн не выдавали, но темы разговоров, их тональность могли при желании служить косвенными показаниями. Впрочем, что не служит показанием для того, кто во что бы то ни стало хочет их иметь, да и отказались мы давно от жизни в оглядку. Ну, тюрьма, ну, новые сроки, разве следует из-за этого перестать быть человеком?! Это верно, однако почин должен был исходить от Кирилла, а не от меня. — Вот и видно, что глуп, — думаю я, засыпая.

Приехав домой, я начинаю подыскивать Кириллу защитника. У меня список из 27 московских адвокатов. Одни уже были защитниками на подобных процессах, другие рекомендованы, как порядочные люди, готовые участвовать в таком процессе. Но список быстро тает. Этот собирается в отпуск, тот еще не вернулся из отпуска, третий перегружен работой, четвертый должен немного рассла-

биться и т.д. и т.п. Только трое откровенно признаются, что по статье 190¹ выступать защитниками не желают. Все же заручаюсь согласием адвоката Торгашева Игоря Константиновича.

Закключаем договор, он официально принимает поручение по защите Кирилла.

На мой запрос от 6.9.80 Федюкину о закрытии дела по статье 201 получаю от него телеграмму 10.9.80.

ЕЛЕЦ 321 1 10 10.45

ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА ПОДРАБИНЕКА ОРИЕНТИРОВОЧНО 20
СЕНТЯБРЯ. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ФЕДЮКИН.

Что же, пора повидаться с адвокатом прежде, чем он поедет в Елец, но тут начинается игра в кошки-мышки. Звоню Торгашеву домой вечером, он еще не пришел, звоню на работу, он уже ушел, снова звоню домой, предлагают перезвонить утром. А утром он уже ушел в консультацию, а в консультации его еще нет. Вечером его еще нет дома, а позже он уже спит.

Понимаю, что Торгашев принял поручение, которое не может выполнять, но от которого не хочет и отказываться. Как странно... мне это казалось тогда, как ясно мне это теперь!

Наконец, приходит светлая мысль, 16 сентября посылаю телеграмму:

МОСКВА КУЙБЫШЕВА 4 КОНСУЛЬТАЦИЯ 16 ТОРГАШЕВУ ИГОРЮ
КОНСТАНТИНОВИЧУ

ПО СООБЩЕНИЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ ДЕЛО ПОДРАБИНЕКА ЗАКРЫВА-
ЕТСЯ 20 ПЕРЕД ВАШИМ ВЫЕЗДОМ НУЖНО ПОВИДАТЬСЯ.

ЭЛЕКТРОСТАЛЬ 8 МАРТА 23 КВАРТИРА 2 ПОДРАБИНЕК,
СООБЩИТЕ ДЕНЬ ЧАС МЕСТО ВСТРЕЧИ ОТВЕТ ОПЛАЧЕН.

Теперь Торгашев не сможет отсиживаться в кустах, вся консультация знает уже о телеграмме и верно, при первом же звонке к нему домой он подходит к телефону. Разговор короткий. Без всякой мотивировки адвокат отказывается от принятого дела, в одностороннем порядке нарушает договор и не обеспечивает замены себе. Ай да "порядочный человек", ай да защитничек!

И в тот же день получаю от Федюкина письменное подтверждение его телеграммы:

12. 09. 80 г. № 1571

Сообщаю, что Ваш сын - Подрабинек К.П., обвиняемый по ст. 190¹ УК РСФСР, доверяет Вам заключение соглашения с адвокатом для его защиты по уголовному делу. Окончание дела и выполнение ст.201 УПК РСФСР планируется на 20.09.1980 г. Если защитник будет участвовать по делу, ему необходимо явиться в прокуратуру г. Ельца к 10 числа 20.09.80 г.

Ст. следователь
прокуратуры гор. Ельца
юрист 2 кл.

Федюкин Ю.Н.

Откликаюсь бодрым, но увы, не соответствующим действительности, посланием:

ЕЛЕЦ ЛИПЕЦКОЙ ПРОКУРАТУРА СЛЕДОВАТЕЛЮ ФЕДЮКИНУ
ПРИГЛАШЕН АДВОКАТ БУДЕТ УЧАСТВОВАТЬ ПРОЦЕССЕ
ПОДРАБИНЕКА

ПОДРАБИНЕК

Впрочем, я не соврал. Процесс, это ведь не только закрытие дела по ст. 201, но и защита на суде и кассационном суде. Но факт тот, адвоката у меня еще нет, не гнать же мне Торгашева в Елец насильно. Да и на что он нужен, эдакий "защитник"?!

Нужно искать другого защитника. Возвращаюсь к своему списку. Не вернулся ли кто из уехавших в отпуск? Ба, есть такой, Поздеев Юрий Борисович. Звоню, договариваюсь о встрече, и тут надо же такое везение, от Федюкина:

ЕЛЕЦ 271 20 28 104

ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА ПЕРЕНЕСЕНО ОКТЯБРЬ ДАТА БУДЕТ
СООБЩЕНА ДОПОЛНИТЕЛЬНО СЛЕДОВАТЕЛЬ ФЕДЮКИН

На радостях, что с закрытием дела по ст. 201 еще ничего не пропало, посылаю несколько легкомысленное игривое сообщение 19.9

ЕЛЕЦ ЛИПЕЦКОЙ ПРОКУРАТУРА СЛЕДОВАТЕЛЮ ФЕДЮКИНУ
СЧИТАЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ И СОВЕТУЮ ПРЕДОСТАВИТЬ МНЕ
СВИДАНИЕ СЫНОМ ПОДРАБИНЕК

Пусть привыкает к этой мысли!

В начале октября личное знакомство и беседа с Поздеевым. Он выглядит гораздо моложе своих сорока с чем-то лет. Худощав, подвижен, у него приятное, живое, тонкое лицо, как говорят, интеллигентное. Он немного кокетничает, вероятно по профессиональной привычке, свойственной артистам, завзятым ораторам, вообще людям, работающим на публику. С интересом осведомляется о сути дела, выражает понимание и сочувствие, а когда я обвожу рукой стены и потолок, мол, посторонние не любопытствуют, поводит плечами, что в сочетании с мимикой означает: "Помилуйте, мы ведь не сурки, будем жить достойно". В общем, почти свой брат.

- Я готов защищать Вашего сына, но ведь Вы знаете, это безнадежное дело.

- Я приглашаю Вас не для того, чтобы Вы добились его оправдания или даже уменьшения срока заключения. Кирилл нуждается в моральной поддержке, он встретится с человеком, которому можно доверять, с которым он поделится заботами, сомнениями, встретит сочувствие и помощь. Вы ему расскажете о событиях, новостях, передадите приветы друзей, семьи. Он не будет одинок на суде, да и мы, его родственники, будем знать, когда он состоится, этот суд, и попасть на него нам будет легче с Вашей помощью.

- Знаете, это обойдется Вам дорого, деньги ведь выброшенные. Подумайте.

- Дорого, действительно. Мы готовы, однако, на большие затраты, чтобы выполнить пожелание Кирилла иметь защитника и поручившего мне его найти.

Как бы извиняясь, он отмечает:

- Все-таки риск, сами знаете.

Ничего такого я не знаю, риска не вижу. Впрочем, репутацию адвоката, подпорченную защитами по 190¹, тоже можно считать риском, ну там, быть изгнанным из коллегии адвокатов.

- И второе условие. Вы меня не будете беспокоить

звонками, письмами, я сам буду Вас ставить в известность о ходе дела.

Странно. При такой прелестной ужимке: "Мы не сурки" - и опасаться встреч со мной, отцом подзащитного! Нет, суть, верно, в другом. Он не любит, чтобы его торопили, тормозили, обременяли бесконечными тревожными вопросами. Он человек дела и дорожит временем. Тем лучше.

Принимаю это условие, и мы расстаемся.

Неприятно лишь покорило, что когда к нему зашел приятель, он, хлопнув себя по карману, воскликнул: "Есть теперь на что кутнуть завтра в мой день рождения". Если он хотел меня обрадовать широтой своей натуры, то ошибся: эта широта мне не понравилась и послужила толчком к неприятным суждениям об ее владельце.

Через несколько дней вношу в кассу юрконсультации деньги.

Квитанция № 33/133

Получено от гр. Подрабинек П.А.

Руб. 300 (триста)

За (условия договора)

о/с - 100

к/р - 200

Дело по регистрационной карточке №

10.Х.1980

Секретарь-кассир (подпись)

Первый экземпляр квитанции получил

(подпись) Подрабинек

Я не обратил внимания на то, что в квитанции отсутствует номер регистрационной карточки, не удивила и значительность суммы, которую я, по предложению Поздеева, должен был внести в кассу.

Он мне объяснил, что в нее входят расходы, связанные с закрытием дела по ст. 201, с участием в судебном процессе и в кассационном суде.

Правда, все эти расходы вместе взятые не могли составить и половины назначенной суммы, но я хорошо понимал в чем дело. Чем значительнее внесенная в кассу сумма, тем относительно меньшей кажется та, которую я

отдал ему помимо кассы - тысяча рублей лишь в три раза больше трехсот, но в десять раз больше ста, и алчность адвоката не выглядит такой впечатляющей.

Собрать и отдать тысячу рублей мне нелегко, но удручает другое - что Поздеев так легко их взял. Мне его рекомендовали как порядочного человека и хорошего адвоката. Последнее в данном случае не имеет существенного значения, а порядочность вызывает сомнения.

Общеизвестно, что адвокаты берут "левый" гонорар, с этим свыклись даже власти, которые не рассматривают это как взятку, подкуп, поскольку адвокаты не должностные лица. Правда, неясно, почему фининспекция не облагает их налогом как, скажем, частно-практикующих врачей, но, если имеют право, пусть берут, меня интересует не юридическая, а нравственная сторона дела. Ты сочувствуешь попавшему в беду человеку, знаешь, что он не вор и денег у него нет, почему же ты хочешь на этой беде нажиться, как ты хитришься совмещать долг и наживу, бога с маммоной?

Честность неделима, невозможно быть порядочным в одном и бесчестным в другом. Однажды, всеми уважаемый, мной в том числе, инакомыслящий обмолвился: "Ба, переспал с другой, проблема стакана воды". Теперь не доверяю ни переспавшему, ни его защитнику. Не доверяю изменнику в любом деле, хоть он с пеной у рта выступает как правозащитник, когда-нибудь он кого-нибудь может предать по крупному счету. Не доверяю и Поздееву, но пасую перед общественным мнением в лице близких и друзей, требующих, чтобы у Кирилла был защитник.

Прошел октябрь, обещанных дополнительных сведений от Федюкина нет. 10 ноября посылаю ему телеграмму:

ВЫ СООБЩИЛИ ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА ПОДРАБИНЕКА ПЕРЕНЕСЕНО
ОКТЯБРЬ. ОБ'ЯСНИТЕ ПРИЧИНУ ЗАДЕРЖКИ И НОВЫЙ СРОК.
ПОДРАБИНЕК

Молчание. Может быть, что-нибудь известно Поздееву? Но он тоже молчит, а я связан словом и не хочу его нарушать, я ведь обещал его не беспокоить. Наконец, нахожу выход. Звоню 25-го ноября в Елец прокурору Нужнову и узнаю, что накануне, 24-го, дело Кирилла закрыто

по статье 201 в отсутствие Поздеева. Даю ему мысленно еще два дня, т.е. возможность проявить ко мне интерес. И верно, 27-го вечером от Поздеева звонок, голос спокойный, будничный. Приглашает зайти в консультацию. Объяснений он не дает, я их не требую и уговариваю себя: "Спокойствие, эмоции разрядим потом".

Он встречается меня со слегка озабоченным видом.

- Случилась небольшая неприятность, - говорит он, - 21-го на меня пришел вызов из Елецкой прокуратуры, я в консультации отсутствовал и вызов увидел лишь в понедельник, 24-го, в день закрытия дела Вашего сына по статье 201. Я послал Федюкину телеграмму, требуя отсрочки, затем позвонил ему по телефону. Он сказал, что необходимость в моем присутствии отпадает, т.к. Ваш сын согласился на закрытие дела с адвокатом, приглашенным прокуратурой.

- Что Вы намерены делать? - спрашиваю я его.

Он пожимает плечами, разводит руками.

- Что тут делать... ничего... будем готовиться к суду. Да Вы не расстраивайтесь, закрытие дела пустая формальность, главное суд.

- Увидеться с подзащитным - пустая формальность?

Он бросает на меня быстрый взгляд, но решает, что вопрос случайно прозвучал с вызовом.

- Что поделаешь, если так получилось. Увижусь с ним позже, перед самым судом, особой разницы нет.

- Закрывая дело совместно с Кириллом, вы могли бы дать ему обстоятельную консультацию, помочь составить нужные ходатайства, обсудить тактику на суде, в общем, помочь ему, Вам виднее как.

- Э, пустое, ничего это не дает, да и успеется перед судом.

- И обстановка будет не та, и времени достаточно не получите.

Мое упорство начинает его раздражать, но повода к ссоре у него нет, разговариваю я спокойно, а ставить мне в вину естественные соображения было бы с его стороны нелепо. Я же помню твердо наказ единственного порядочного адвоката, увы, в прошлом, которому могу безоговорочно доверять: "Ни в коем случае не давать повода для ссоры, отказ от заключенного соглашения должен

исходить от него и без мотивированного основания, но отказ отклоните".

- Может быть, - мирно предлагаю я, - заявить жалобу?

- Кому, о чем? - недовольно спрашивает он.

- На действия следователя, он обязан был предоставить отсрочку.

- Но Кирилл согласился на закрытие дела с другим адвокатом, поэтому нет оснований для жалобы.

- Он согласился лишь потому, что ему сказали, что Вы не приедете.

- Откуда Вам это известно?

Не говорю ему, что звонил в Елец и получил сведения, которые он мне сейчас выдает, как свежие. Мы с ним отныне противники, и не в моих интересах обогащать его информацией. Мне нужно максимально использовать заключенное соглашение и заодно выяснить, что он собой представляет, чтобы больше никому не втирал очки либеральными замашками.

- Это же ясно, Кирилл Вас ждал, ему сказали, что Вы не приедете, и он согласился на другого адвоката.

- Не обязательно так, он мог отказаться от моей защиты раньше или одновременно с моим отказом приехать 24-го.

Не знаю, что он уловил в моем взгляде, мне, возможно, не удалось скрыть тень брезгливого презрения, но вдруг он покраснел и вспльщиво заявил:

- Я вижу, Вам не нравится, как я веду дело. Вы мне не доверяете, так расторгнем договор!

- Что Вы, я вполне доверяю Вам, и если у меня свое толкование процедуры по 201 статье, это еще не повод для расторжения соглашения. Нет, оно остается в силе, действуйте по своему усмотрению.

Он успокаивается, я встаю и, прощаясь, говорю:

- Жаль, что Кирилл Вас не видел, больше, чем в юристе, он нуждается в человеке с воли, об этом Вы, кажется, забыли.

Не даю ему ответить, ухожу. Твердо решаю исправить ошибки Поздеева без его участия и ведома.

На следующий день отправляю в Елец письмо:

Прокурору г. Елец Нужлову

Г-н прокурор!

Письмом от 12.09.80 следователь Федюкин мне сообщил, что мой сын Подрабинек К.П. доверяет мне заключенные соглашения с адвокатом для его защиты.

Я пригласил московского адвоката Поздеева Ю.Б.

21.11.80 по месту его работы прибыло извещение о том, что он, Поздеев Ю.Б., должен явиться к Федюкину 24.11.80 для закрытия дела по ст. 201. В юридической консультации он в этот день (пятница) не был, ознакомился с извещением лишь 24.11 (понедельник). Он телеграммами уведомил Федюкина, что лишен возможности прибыть в тот же день в г. Елец и требует отсрочки.

Следователь Федюкин в телефонном разговоре сообщил Поздееву, что отсрочка предоставлена не будет и в ней отпадает необходимость, т.к. мой сын подал в тот же день 24.11 заявления, в которых отказывается от услуг защитника. 24.11 дело было закрыто.

Итак, мой сын Подрабинек К.П. хотел иметь защитника и отказался от него после того, как последнему не была предоставлена возможность совместно с ним ознакомиться с материалами следствия. Его заявления, таким образом, были вынужденными. Эти обстоятельства подтверждены Вами, г-н прокурор, в телефонном разговоре со мной 25.11.

Я усматриваю следующие нарушения закона:

1. Вызов защитнику Поздееву Ю.Б. для закрытия дела по ст. 201 был отправлен с опозданием, лишившим его возможности прибыть в г. Елец в назначенный срок.
2. Несмотря на это, следователь Федюкин отказал Поздееву Ю.Б. в положенной по закону отсрочке.
3. Подрабинек К.П. дезинформировали, сообщив, что у него нет защитника, вынудив тем самым согласиться на закрытие дела без приглашенного мной по его поручению адвоката.

На основании этих данных я требую возвращения дела моего сына Подрабинек К.П. на доследование с последующим закрытием дела по ст. 201 в соответствии с законом.

Подпись

(Подрабинек П.А.)

28.11.80

На следующий день я отправил письмо в г. Липецк, в облсуд, где должен был состояться судебный процесс над Кириллом.

В подготовительное заседание суда по делу Подрабинека К.П.

Г-н судья!

Следствие по делу моего сына Подрабинека К.П., которое вел в г. Ельце следователь Федюкин, закончено и должно рассматриваться в Липецком областном суде.

Посылаю жалобу, предназначенную предварительному заседанию суда по этому делу.

Если дело сына еще не поступило в суд, прошу передать мою жалобу секретарю с тем, чтобы она была представлена в свое время должностному состояться предварительному заседанию.

Неоднозначность моего заявления Вам обусловлена тем, что на свои запросы следователю Федюкину и прокурору г. Елец Нужнову я не получаю своевременных и ясных ответов и лишен возможности следить за перемещением дела моего сына.

Подпись (Подрабинец П.А.)

29.11.80

К сему было приложено письмо, аналогичное отправленному накануне прокурору Нужнову.

Через неделю я получаю от последнего ответ.

02.12.80 № 1991

тов. Подрабинеку П.А.

425

На Ваше письмо от 28 ноября 1980 года сообщаю, что предварительное следствие по уголовному делу в отношении Вашего сына Подрабинека К.П. закончено 24 ноября 1980 г. с участием защитника-адвоката Елецкой юридической консультации тов. Бобряшовой Л.П.

Вашему сыну на следствии было разъяснено право обвиняемого иметь защитника.

21 ноября 1980 года телеграммой следователь сообщил адвокату Поздееву Ю.Б. о том, что выполнение требований ст. 201 УПК РСФСР по делу Подрабинека К.П. на-

мечено на 10 часов 24 ноября 1980 г.

Однако адвокат Поздеев Ю.Б. к этому сроку прибыть в прокуратуру г. Ельца не смог, о чем уведомил следователя телеграммой.

Обвиняемому Подрабинеку К.П. было разъяснено его право иметь защитника по своему желанию, а также, что адвокат Поздеев прибыть не может. На это Подрабинеку К.П. пояснил, что ему безразлично, какой конкретно адвокат будет участвовать по его делу в стадии окончания следствия и в судебном заседании, а затем написал на имя следователя 2 заявления, в одном из которых просит допустить в качестве его защитника при выполнении ст.201 УПК РСФСР адвоката Елецкой юридической консультации, а во втором - адресованном Липецкому облсуду, с просьбой обеспечить участие адвоката Поздеева Ю.Б. в судебном разбирательстве.

В связи с личным заявлением Подрабинека К.П., к участию в выполнении ст. 201 УПК РСФСР был допущен адвокат Бобряшова.

Таким образом, в стадии расследования права Вашего сына нарушены не были.

Уголовное дело в отношении Подрабинека К.П. находится в Липецком облсуде по подсудности.

Прокурор гор. Ельца

младший советник юстиции Подпись (А.С. Нужнов)

Получив этот ответ, я в тот же день, 7.12.80, направил прокурору Липецкой области следующее письмо:

Прокурору Липецкой области

Копия: гл. прокурору РСФСР

Предъявляю Вам обжалование действий и решений прокурора г. Ельца Липецкой области в отношении моего сына Подрабинека К.П. согласно ст. 220 УПК РСФСР.

Фактическая сторона дела достаточно освещена прилагаемыми к сему двумя письмами. Обращаю Ваше внимание на следующее:

В моем письме прокурору г. Ельца от 28.11.80 были указаны обоснованные фактами три нарушения при закрытии дела Подрабинека К.П.

Прокурор Нужнов не опроверг ни один из приведенных

мной доводов.

1. Он не опроверг, что вызов был отправлен Поздееву Ю.Б. с опозданием, лишившим защитника возможности прибыть в г. Елец в назначенный срок.

2. Он не опроверг, что следователь Федюкин не предоставил защитнику положенной по закону отсрочки до 5 дней (ст. 201 УПК).

3. Он не опроверг факт дезинформации Подрабинека К.П. Напротив, он подтвердил этот факт. "Обвиняемому Подрабинеку К.П. было разъяснено его право иметь защитника по своему желанию, а также, что адвокат Поздеев прибыть не может".

Желанием сына было иметь адвоката, с которым он мне доверил заключить соглашение. Сыну не было разъяснено, что этот адвокат просил отсрочки, которая ему не была предоставлена.

Имеются все основания считать, что при правильной информации Подрабинеку К.П. согласился бы ждать Поздеева для совместного ознакомления с материалами следствия. "Личное желание Подрабинека К.П." (шестая строчка снизу) было результатом его дезинформации, т.е. вынужденным, на что я и указывал в своем письме.

Таким образом, прокурор г. Ельца Нужнов нарушил ст. 219 УПК, согласно которой "в уведомлении должны быть изложены фактические данные, опровергающие доводы заявителя". (Подчеркнуто мной, Подрабинеку П.А.)

Требую возвращения дела моего сына Подрабинека К.П. на следствие с последующим закрытием дела по ст. 201 УПК РСФСР в соответствии с Законом.

Подпись (Подрабинеку П.А.)

7.12.80

Нарушая хронологию, привожу ответы, полученные мной уже после того, как мне стало известно, что дело Кирилла возвращено на следствие.

22.12.80 4-2158

Ваша жалоба рассмотрена прокуратурой области. Сообщаем, что уголовное дело по обвинению Подрабинека К.П. по ст. 190-1 УК РСФСР определением Липецкого областного суда возвращено на дополнительное расследование из-

за нарушения права обвиняемого на защиту.

Прокурор следственного
управления облпрокуратуры
младший советник юстиции

Подпись

(А.А.Каширин)

Копия моего заявления в областную прокуратуру, отправленная в прокуратуру РСФСР, не "сыграла". Ее отфутболили в Елецкий городской суд, из которого я получил копию письма, направленного судом Нужнову:

Прокурору г. Ельца тов. Нужнову

Копия: Подрабинек П.А.

24.12.80

Елецкий городской народный суд направляет Вам жалобу Подрабинек П.А. по принадлежности. Для сведения Подрабинек П.А. сообщаем, что дело по обвинению Подрабинек К.П. в суд не поступало.

Председатель Елецкого
городского Народного суда

Подпись

(Круглова М.Б.)

Теперь остается ждать. Проходит еще десять дней. 17 декабря звонок от Поздеева, предлагает зайти в консультацию. С первых его слов понимаю, что мои хлопоты были напрасны и внутренне ликую. Какая, однако, малость способна радовать человека в самых неподходящих случаях. Пересмотр дела Кирилла решительно ничего не меняет в его судьбе, пройдет месяц и все вернется на круги своя, но вырванную уступку я ощущаю как победу над беззаконием.

- Садитесь. Я вот опять получил вызов из Елецкой прокуратуры, снова в пятницу, 11-го, снова на понедельник, 14-е. Не понимаю, что там произошло...

- Могу объяснить, - предлагаю я, но он не желает слышать неприятную правду о том, как другой за него успешно выполнил его обязанности.

- Нет, пожалуйста, не нужно. На этот раз я категорически потребовал отсрочки, уверяю Вас, и мне ее дали, я получил пять дней отсрочки!

Он тоже гордится своей маленькой победой, и я го-

тов радоваться с ним тому, что он преодолел свою лень, безразличие, страх, не знаю, что именно, но преодолел.

- Вы видели Кирилла? - оживляюсь я, - расскажите, пожалуйста, подробнее, - и располагаюсь поудобнее, чтобы ничего не пропустить из его рассказа.

- Я не ездил и не поеду, договор расторгается, - почти выкрикивает он.

Облокачиваюсь на стол, упираю голову в ладони и молча смотрю на него. Он тоже молчит, остывает.

- Почему? - тихо спрашиваю.

- Вам придется удовлетвориться официальным ответом, считайте, что я занят в другом процессе.

- А действительно?

Он не отвечает, верно, стыдится бравады, с которой взялся за это дело, а, может быть, боится разглашения секрета, за которое его не погладят по головке. Секрет Полишинеля, ему не разрешили быть защитником по делу Кирилла. Скорее всего и он это знал с самого начала, но как было устоять перед соблазном подтвердить свою репутацию смелого либерального адвоката, уступившего только силе. Какая досада, что этот тип (т.е. я) помешал безукоризненно разыграть этот маленький, но такой выгодный спектакль!

- Пожалуйста, возьмите свои деньги, - он возвращает их в том же конверте, я не сомневаюсь, что они все здесь, до последнего рубля, тем не менее начинаю их медленно пересчитывать.

- Видно, Вас часто обманывают? - с иронической гримаской вопрошает он.

- Случается, - продолжаю я шейлокствовать. Демонстрация недоверия действует ему на нервы и ему хочется во что бы то ни стало взять верх.

- Шли бы считать в другое место, в уборную, что ли, - грубо предлагает он.

- Какая разница, - меланхолически замечаю я, перебирая бумажки.

- Кто-нибудь может сюда заглянуть...

- А, верно, - прекращаю наказание, сую деньги в карман.

- Вот Ваша карточка, пожалуйста, распишитесь в том, что договор расторгнут.

- Ничего подобного, Вы его нарушаете в одностороннем порядке.

- Все равно, деньги Вам вернут почтой.

Собираюсь уходить.

- Вы мне не будете вредить, не передадите в эфир?

- У меня нет к нему доступа, за других не ручаюсь. Нет, вредить Вам не буду.

Я сдержал обещание, оглашение его недостойного, более того, преступного поведения не повредит ему, скорее пойдет на пользу.

В Министерство юстиции СССР
Отдел адвокатуры

З А Я В Л Е Н И Е

Мой сын, Подрабинек К.П., находящийся в заключении в г. Ельце Липецкой области (угр 10У-323/ст. 2), доверил мне через следователя Федюкина (прокуратура г. Ельца) заключение соглашения с адвокатом для его защиты по уголовному делу (письмо Федюкина от 12.09.80 за номером 1571). Мной был приглашен адвокат Поздеев Ю.Б., (Москва, юрконсультация № 10), с которым я заключил договор (кв. об оплате 300 (триста) руб. от 10.10.80 за № 33/133).

Поздеев объяснил мне, что выплаченная мной сумма предусматривает расходы, связанные с его участием по закрытию дела по ст. 201, в судебных заседаниях и в последующем суде.

Устно Поздеев предложил мне не тревожить его, обещав извещать меня о предпринимаемых им мерах по защите сына.

26.11.80 он пригласил меня встретиться с ним и сообщил:

21.11 в юрконсультацию поступило извещение ему, Поздееву, явиться 24.11 к следователю Федюкину для закрытия дела по ст. 201. Поздеев, по его словам, ознакомился с извещением лишь 24.11 (понедельник) и уведомил телеграммой Федюкина, что быть в тот же день в г. Ельце не может, затем в телефонном разговоре с ним узнал, что мой сын согласился на закрытие дела без его, Поздеева,

участия.

На мое замечание, что он, Поздеев, должен был потребовать отсрочки закрытия дела, положенной по закону, и обратиться с жалобой к прокурору на незаконные действия следователя, Поздеев мне ответил, что:

1. Ввиду согласия сына закрыть дело без его, Поздеева, участия, надобности в отсрочке нет.

2. По той же причине жалоба на действия следователя необоснованна.

3. Поскольку я, отец подследственного, не доверяю защитнику, то было бы уместно расторгнуть договор.

Я ответил Поздееву, что согласие сына на закрытие дела по ст. 201 без участия защитника было вынужденным, поскольку Поздеев отказался требовать отсрочки, что именно поэтому уместна жалоба, что я не намерен расторгать договор из-за различного понимания нами ст. 201 УПК и прошу его, Поздеева, продолжать участвовать в процессе сына, на что Поздеев согласился.

28.11 я сам отправил жалобу на действия следователя Федюкина прокурору г. Ельца Нужнову, получил от последнего неудовлетворительный ответ (письмо Нужнова от 02.12.80 за № 1991/425), обжаловал этот ответ 7.12.80 прокурору Липецкой области (копия - прокуратура РСФСР) и добился возвращения дела сына на доследование с последующим закрытием дела по ст. 201 в соответствии с Законом. К сожалению, узнал я об этом слишком поздно.

17.12.80 Поздеев предложил мне встретиться с ним на следующий день и 18.12.80 сообщил мне, что 11.12 (пятница) в юрконсультацию поступило извещение ему, Поздееву, явиться 14.12 к следователю Федюкину для закрытия дела сына по ст. 201. Поздеев, по его словам, ознакомился с телеграммой лишь 14.12 (понедельник), телеграммой уведомил Федюкина, что он может быть только позже, и потребовал отсрочки, которая ему и была предоставлена до 19.12. Однако он, Поздеев, расторгает со мной договор, т.к. ни в закрытии дела, ни в последующих этапах процесса защитником сына быть не желает.

Поздеев предложил мне расписаться в карточке в получении возвращенной мне в кассе суммы. Я впервые увидел эту карточку и обнаружил, что:

1. В ней первоначально значилось только участие за-

щитника в закрытии дела по ст. 201, хотя Поздеев ранее уверял меня, что поручения оформлены на все этапы процесса.

2. Эта первоначальная запись зачеркнута и заменена другой - об участии только в судебном заседании.

По настойчивому предложению Поздеева я задним числом расписался под этими строчками ("Вы подписываетесь только в том, что знакомы с условием договора, пустая формальность"), о чем сейчас сожалею, т.к. Поздеев сумел тем самым скрыть отчасти неправомотность своих действий.

Затем я заявил Поздееву, что договора с ним не расторгаю, и если он не хочет или не может участвовать в процессе, то должен предложить приемлемого заместителя. Поздеев мне посоветовал найти адвоката в г. Ельце и сообщил, что поскольку я не желаю расписываться в получении денег, они мне будут возвращены почтой.

Я усматриваю в действиях Поздеева серьезные нарушения его профессионального долга и человеческой этики.

По отношению к моему сыну, Подрабинек К.П.

1. Вопреки заключенному с ним соглашению, Поздеев оставил сына без своей защиты при завершении следствия, необоснованно отказавшись от участия в закрытии дела по ст. 201 24.11.80.

2. Он повторно нарушил свой долг, снова отказавшись от участия в закрытии дела по ст. 201 после того, как дело было возвращено на доследование и ему был дан вполне достаточный срок, с 11.12 по 19.12.80 г.

Он усугубил эти нарушения, отказавшись в одностороннем порядке от заключенного соглашения об его участии защитником в предстоящем суде над сыном.

Своими действиями он не только оставил сына без собственной защиты, но и без защиты другого адвоката, т.к. не предоставил замены и сообщил мне о своем отказе лишь 18.12, накануне закрытия дела, когда мне было уже невозможно сделать это самому.

По отношению ко мне, Подрабинек П.А.

1. Поздеев заключил со мной соглашение, предусматривающее его участие во всех этапах процесса дела сына, о чем свидетельствует хотя бы значительность внесенной суммы (300 рублей).

Между тем, он оформил поручение сначала только на закрытие дела, затем заменил его на поручение участвовать только в судебном процессе. Все это самовольно, не доводя свои действия до моего сведения, т.е. игнорируя меня как участника соглашения.

Скрывая свои махинации, он не предложил мне своевременно познакомиться с текстом соглашения и снова обманул меня, выманив мою подпись как "пустую формальность" через полтора месяца после заполнения им документа.

2. Поздеев просил меня ему не докучать, обещая взамен ставить меня своевременно в известность о принятых им мерах по защите сына, но систематически меня обманывал. Первый раз он осведомил меня о закрытии дела сына 26.11.80, т.е. через два дня после его закрытия, второй раз он меня известил о закрытии дела 18.12, т.е. через 7 дней после получения уведомления и за день до намеченного закрытия, 19.12.80. Второй обман я уже безвредить не мог, т.к. отсрочка следователем была предоставлена и требовать новой у меня не было оснований.

Поздеев адвокат со стажем, ссылки на недостаточную квалификацию невозможны. Он нарушил свой профессиональный долг не по глупости или легкомыслию, а сознательно.

По вопросу возмещения нанесенного сыну и мне ущерба я еще обращусь в суд, но от Вас, призванного, в частности, обеспечивать должный уровень ведения адвокатами защиты, я требую дисквалификации и лишения права на адвокатуру Поздеева, позорящего эту должность прямым умышленным обманом лиц, вверивших ему защиту своих интересов законным путем.

При запросе представляю документы, подтверждающие изложенные мной факты и находящиеся в моем распоряжении.

Подпись (Подрабинек П.А.)

В ответ на мое заявление в Министерство юстиции СССР пришли два сообщения:

25.12.80 16/20-10627

Сообщаю, что Ваша жалоба в отношении московского адвоката Поздеева проверяется.

пруденции к стене, они - изопряясь в издевательских отписках.

Десятки раз я читал в газетах и слушал по радио гневные филиппики на тему: "Отвечать на письма трудящихся!". Над страной бумажная метель, тонны бумаг взмывают в высшие сферы в виде жалоб, просьб, молений, протестов, требований и оседают на столах бесчисленных канцелярий. Сотни людей их разбирают, сортируют, рассматривают, и в каждой из этих сотен голов лишь одна мысль: "Как бы не ввязаться, сделав вид, что все сделал?" Рецепт давно известен, - отписаться. И вот бумажный поток оседает все ниже и ниже, спускаясь по канцелярской иерархии, и приходит, наконец, к тем, на кого жаловались, от кого требовали, у кого просили, молили. Это все не ново, но вот что занятно: гневные филиппики - то принадлежат блюстителям закона, это они, на основании кодексов, указов, постановлений требуют его неукоснительного выполнения. Кому же, как не Министерству юстиции быть эталоном правозаконности? И вот - пример. Нет, мне сейчас некогда с ними забавляться бесплодной игрой, попозже - посмотрим.

21.12.80 я получил по почте из юрконсультации 294 руб. 00 коп. (перевод № 0/2521).

Как только Поздеев отказался от защиты Кирилла, я послал Федюкину телеграмму:

СЕГОДНЯ ПОЗДЕЕВ МНЕ СООБЩИЛ ОТКАЗЕ ЗАЩИТЫ
ПОДРАБИНЕК. ИЩУ ДРУГОГО ПРОШУ ОТСРОЧИТЬ ЗАКРЫТИЕ
ПО 201 ДО 22 ОТВЕТ ОПЛАЧЕН ПОДРАБИНЕК

На следующий день ответ:

ЕЛЕЦ 921 19 19 15 81 СОГЛАСНО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ
ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА 22 ДЕКАБРЯ СЛЕДОВАТЕЛЬ ФЕДЮКИН

Предпринимая поиски адвоката, я не тешил себя иллюзиями. Практика показывала, что московские адвокаты, как правило, не допускаются на судебные процессы за пределами Москвы. Отказ Поздеева лишний раз это подтвердил. Нужно было узнать новые пожелания Кирилла относительно защитника. Лучший способ для этого - увиде-

тлся с ним. Помогло одно странное обстоятельство. Я получил 4.12.80 телеграмму, накануне отправленную из Лондона.

LSR 496 LFL673 TX 958 TX 859 351 SUMX
CO CBLF 024 LONDON JLF TLX
24/23 31610
SUGGEST ALEXANDER KIRILL AND FAMILIES APPLY
EMIGRATE HOLLAND FRIENDS IN ENGLAND

т.е.: Предложите Александру, Кириллу и их семьям просить эмиграцию в Голландию.

Друзья в Англии.

Кто бы ни был автором этой телеграммы, я решил ею воспользоваться и послал прокурорам гор. Ельца и Якутска, где под следствием находился Александр:

Г-н прокурор!

Передайте, пожалуйста, Подрабинеку текст телеграммы, присланной мне из Лондона 3.12 и полученной мной 4.12.

Дальше шел текст на английском языке и перевод на русский.

Подпись (Подрабинец) 5.12.80.

Из Якутска я ничего не получил, из Ельца пришел следующий ответ:

11.12.80 № 2088

Возвращаю Ваше письмо от 05.12.1980 г. и разъясняю, что согласно требований ст. 13 Положения о предварительном заключении под стражу, утвержденного Верховным Советом СССР 11.07.1969 г., корреспонденция осужденных должна просматриваться администрацией места предварительного заключения.

Приложение: Упомянутое

Прокурор г. Ельца

младший советник юстиции Подпись (А.С.Нужнов)

Никакого приложения не было, а главное, Нужнов ме-

ня обманывал. Возможно, корреспонденция и должна была просматриваться, но разрешение на вручение письма подследственному дает следователь или прокурор. Сообщение мое не вызвало интереса ни прокурора, ни органов ГБ, у меня не было повода просить свидания с Кириллом в связи с этим вопросом. Оставалось ехать в Елец, куда я и прибыл 22 декабря. Прежде всего отправился к адвокату Бобряшовой, закрывавшей дело Кирилла по ст. 201. У меня был план, который я начал приводить в исполнение. Предлагаю Бобряшовой участвовать в повторном закрытии дела на договорных началах. Она категорически отказывается.

- Не могу. Вы настаивали на том, чтобы в деле участвовал Ваш адвокат, следовательно, возражали против назначения других. Это делает невозможным мое участие в закрытии дела.

- Позвольте, я протестовал против действий Поздеева, Федюкина и Нужнова, но ничего не имел против Вас.

- Речь идет не обо мне лично, но об адвокате, которого в процессе не хотят.

- Ну, а если я переменял свое мнение?

- Я не имею права защищать Вашего сына, коль скоро он доверил свою защиту другому.

- Но Вы же закрывали его дело!

- Не по соглашению, а по предложению прокурора.

- Вы не имеете права или не хотите? Если не хотите, настаивать не буду, но если речь идет о Вашем праве, давайте узнаем у Федюкина.

В кабинете Федюкина застаем Шабанова, заведующего горконсультацией. Они разъясняют Бобряшовой, что та имеет право участвовать в закрытии дела по соглашению со мной. Рассерженная, она уходит, хлопнув дверью. Шабанов предлагает мне ее уговорить, Федюкин к нему присоединяется: "Знаете, женщины обидчивы, самолюбивы..." и прочая галиматья. В чем дело, еще не понимаю. Кстати, понял Бобряшову лишь к концу судебного процесса.

Задаю Федюкину три вопроса, на которые он не отвечает:

1. Признает ли Кирилл себя виновным?
2. Дает ли он показания?
3. Подтверждаются ли показания свидетелей?

Спрашиваю, знает ли Кирилл о поведении Поздеева.

— Определение суда он не получал, но об отказе Поздеева участвовать в процессе поставлен в известность.

— Какие он подавал ходатайства?

— Заявил ходатайство, но не по существу дела, ему отказано, разъяснены причины отказа, жалоб он не предъявлял.

— Знает ли Кирилл о суде над братом?

— Он о нем ничего не спрашивал.

— Известно ли ему о полученной мной из Лондона телеграмме?

— Не знаю. Я о телеграмме сам ничего не знаю.

Подаю Федюкину заявление с просьбой о предоставлении 10-минутного свидания в присутствии Федюкина, чтобы договориться о кандидатуре защитника.

Захожу после обеда.

Ф. — Вы разговаривали с Лидией Павловной Бобряшовой?

Я — Нет, она не хочет взять на себя защиту Кирилла, я не могу настаивать.

Ф. — Напрасно, следует ее уговорить.

Я — Мне ведь безразлично, кто будет закрывать дело.

Ф. — Но мне не безразлично. Закрытие очень затянулось, нужно кончать и лучше бы по вашему соглашению.

Я — Почему?

Ф. — Вы снова можете обжаловать что-нибудь. Кстати, Ваша жалоба на меня была не обоснованной.

Я — И суд по необоснованной жалобе вернул дело на следствие?

Ф. — Поздеев послал свою телеграмму 24-го в 21.35, я получил ее 25-го после телефонного разговора с ним (показывает телефонограмму Поздеева, все верно). Суд счел действия следователя правильными, но пошел Вам навстречу.

Я — Что Вы решили относительно моего свидания с Кириллом?

Ф. — Вы представляете мне адвоката на закрытие дела, мы втроем идем в тюрьму и Вы получите свидание с сыном. Ищите адвоката, не затягивайте. Зайдите к Шабанову, он Вам поможет.

Через час у Шабанова.

Ш. - Я с ней поговорю, она не откажет.

Я - Почему?

Ш. - Потому что она работает сдельно, а я вправе ей предоставить больше или меньше дел, более или менее выгодных. Вы тоже поговорите с ней.

Я - Давление на нее не буду оказывать ни прямо, ни косвенно, пользуясь Вашей силой.

Ш. - Это демагогия, я не люблю демагогии!

Я - Вам придется объяснить, в чем Вы здесь усматриваете демагогию, потому что я не люблю голословных обвинений, тем более с оскорбительным оттенком.

Ш. - Нет, конечно, в данном случае это не точно, но бывает...

Я - Меня не интересует, что у вас бывает.

Через час разговор с Бобряшовой. Любезна, предупредительна - другой человек. Обедал ли я, где остановился, не устал ли? Потом:

- Знаете, я не вправе отказаться от защиты Кирилла, если только он сам от меня не откажется. Я приняла дело и обязана его вести.

Я - Позвольте, несколько часов назад Вы мне говорили прямо противоположное.

Б. - Вы меня не поняли, Пинхос Абрамович... (и дальше плетет какую-то ахинею, смысл которой я не могу разобрать, а потому и передать).

Что это все значит? Она не хочет участвовать в деле, а ее заставили и теперь ей приходится делать вид, что хочет? А может это спектакль, чтобы я "клюнул" на Бобряшову, которая как-то, в чем-то, хотя не знаю - как и в чем, но все-таки обманет?

Я - Вы говорите, что готовы принять защиту Кирилла, если он не будет против?

Б. - Именно так.

Я - Вот я и предложил Федюкину предоставить мне разговор с Кириллом, чтобы это установить.

Б. - Вы можете верить Федюкину, он передаст Вам пожелания Кирилла.

Я - Предпочитаю выяснить это в беседе с самим Кириллом.

Б. - Хорошо, я поговорю с Федюкиным и буду настаи-

вать на вашем свидании.

Я - Скажите, Лидия Ивановна, Вы бы согласились принять поручение на защиту Кирилла в суде?

Б. - Да, и лучше, когда на всех стадиях процесса участвует тот же защитник.

Я - Я знаю, что Ваша защита несколько не повлияет на приговор...

Б. - Слава богу, что Вы это понимаете!

Я - Но как Вы предполагаете строить свою защиту, Кирилл ведь будет отстаивать свою невиновность?

Б. - Разумеется, я отстаивала бы его невиновность.

Я - В политическом процессе?

Б. - Если бы я вела себя иначе, меня бы просто выкинули из коллегии адвокатов. Я защищаю убийц, насильников, грабителей, самых тяжелых преступников.

Я - Даже будучи уверенной в их виновности?

Б. - Конечно, я обязана найти смягчающие обстоятельства, хотя в душе против этих преступлений.

Я - Любопытное раздвоение личности; я бы так не смог.

Б. - Специфика профессии. Я не разделяю мировоззрений Кирилла Пинхосовича, но должна и буду его защищать в заданном им ключе.

Я - Но как гражданин Вы на стороне государственных интересов. Так же, как и прокурор. На уровне государственных интересов вы с ним союзники, а не противники. Так вот, не являются ли государственные интересы Вашим высшим критерием?

Б. - Во имя государственных интересов я и обязана защищать Вашего сына, как требует закон. Так же, как и других, более вредных государству лиц - убийц, грабителей и прочих.

Я - Я, положим, не считаю Кирилла вредным.

Б. - А я считаю его деятельность вредной. Не собираюсь к Вам подлаживаться и либеральничать, но если бы Вы знали, какое ходатайство я помогла ему составить, Вы бы не говорили мне всего этого.

Я - К сожалению, не знаю сути этого ходатайства.

Б. - Это следственная тайна, но Федюкин принял элементы этого ходатайства. Итак, мы идем вместе, Вы разговариваете с сыном и он решает, какого хочет адвоката

и на каком этапе. Я так и говорила Федюкину, и Вам говорю, но Вы меня не поняли.

Я - У меня имеются основания быть недоверчивым. Поздеев адвокат, а вел себя хуже всякого следователя и иного прокурора.

Б. - А были случаи, когда московские адвокаты не допускались в суды в другие города?

Я - Могу перечислить несколько.

Б. - Значит, они сами вели себя неправильно в таких делах.

Я - А у Вас были такие дела?

Б. - Ни у меня, ни у моих коллег. Должна Вам сказать, что завтра я не смогу быть на закрытии дела, т.к. уезжаю на другой процесс и не успею вернуться.

Я - А Федюкин меня торопит.

Б. - Что ж, подождет, если Вы со мной заключите договор.

23-го утром у Федюкина.

Ф. - Закрытие дела 25-го, раньше Бобряшова не может. Прошу явиться в 10 утра. Я разговаривал с Вашим сыном и он предупрежден о закрытии дела в этот день.

Я - О моем свидании с ним тоже?

Ф. - Он написал заявление, в котором требует свидания с Вами.

Я - Не зная, что я прошу о том же - вот интуиция!

Ф. - Какая интуиция, вы сговорились.

Я - Простите, как это возможно при отсутствии контакта?

Ф. - Значит, есть контакт, уж очень похоже вы действуете. Да он и признал, что между вами есть связь. Впрочем, не имеет значения.

Я - Значения действительно не имеет, т.к. мне Вас не убедить, что связи нет.

Ф. - Вот именно.

Я - Значит, прихожу в 10, мы идем в тюрьму, я разговариваю с Кириллом, затем Бобряшова закрывает с ним дело.

Ф. - Идем в тюрьму, Бобряшова закрывает дело и Вы потом разговариваете с сыном, если представится такая возможность.

Я - Мы вчера договаривались иначе.

Ф. - До закрытия дела я предоставить Вам свидание не могу, это исключено.

Я - А что значат Ваши слова "если представится такая возможность"?

Ф. - Я могу быть занят, разные обстоятельства...

Я - Мы заключили джентльменское соглашение, я не требовал Вашей подписи, рассчитывая на порядочность, я честно выполнил свою часть, а Вы хотите нарушить свою?

Ф. - Почему это "хочу"? Не все от меня зависит.

Я - Вчера Вы мне этого не сказали.

Ф. - А что бы изменилось?

Я - Я бы не стал заключать с Бобряшовой соглашение, ведь мне все равно, кто будет закрывать. Это Вам не все равно, Вы сами это говорили

Ф. - Значит, Вы связывали свое предоставление защитника со свиданием с сыном и называете это джентльменским соглашением?

Я - Если Вам не нравится термин, замените его "устным соглашением". Я ведь мог требовать Вашей подписи под моим заявлением о свидании, но поверил Вам на слово.

Ф. - Я имею право ответить Вам через три дня.

Я - Вот я и ждал бы три дня, но пошел Вам на встречу.

Ф. - И если свидание не состоится, обжалуете еще раз?

Я - Подумаю. Если найду солидные аргументы, непременно обжалую; интересы сына мне гораздо дороже Ваших.

Ф. - Естественно.

Еду в Липецк, в облсуд. Стучу в дверь председательствующего Борисенко.

Б. - Да, что хотите?

Я - Моя фамилия Подрабинек, я...

Б. - Чем могу быть полезен?

Я - Я посылая Вам жалобу на действия следователя и прокурора.

Б. - Они удовлетворены, дело Вашего сына воз-

вращено на доследование.

Я - Я хочу иметь копию определения суда.

Б. - А зачем?

Я - Показать адвокату.

Б. - Мы переслали оригинал определения, оно в деле, а дело возвращено.

Я - Еще хотел бы, чтобы меня известили о дате суда.

Б. - Если я буду судьей в разбирательстве, - сообщу Вам дату.

Я - Положено мне свидание с сыном для обсуждения с ним кандидатуры защитника?

Б. - Просите следователя, по своему усмотрению он свидание предоставить может.

Понятно, в случае обжалования действий следователя, т.е. в случае отказа в свидании, Борисенко оставит его без внимания.

25-го Федюкин при мне появляется, но уходит, я думаю, ненадолго, но мне говорят, что его не будет до вечера. Куда бы это он делся?.. Иду в юрконсультацию и застаю его в комнате Шабанова. Он разговаривает по телефону с Бобряшовой. Он требует, чтобы она непременно явилась к нему в 15.00, иначе он будет вынужден выписать ордер, обеспечивающий ее явку в прокуратуру.

Он уходит, я тоже, наступая ему на пятки. Пожимает плечами, возвращается в прокуратуру. Занимаю наблюдательный пост, решив ни за что не упустить его из виду, он ведь может по телефону изменить место встречи с Бобряшовой. Она появляется в 15.10. Выходит Федюкин и объясняет мне, что они с Бобряшовой и Кириллом будут заняты часа три-четыре, я могу пообедать, погулять и часам к семи вернуться к тюрьме. Бобряшова, словно не слыша это, предлагает мне занять место в служебном микроавтобусе вместе с ними.

Ф. - Предупреждаю, что Кирилл может заартачиться, он на это способен, и тогда свидание не состоится.

Молчу. Выходим у здания тюрьмы, Федюкин предлагает мне погулять часа два, раньше они не управятся. Бобряшова советует не уходить, т.к. это дело займет не больше часа. Они входят в тюрьму, я остаюсь на улице. Сотня шагов к двери, сотня шагов от нее и если она в

это время открывается, тут же поворачиваюсь на скрип, боюсь прозевать выход Федюкина, который должен позвать на свидание. Он выходит в половине шестого.

- Где же Вы были, я выходил минут сорок назад и всюду Вас искал. Нигде не нашел. Где Вы были?

- Я никуда не отлучался, даже в туалет, хотя весьма в этом нуждаюсь, дверь была под неослабным моим вниманием.

- Мне показалось, правда, что Вы с кем-то разговариваете около вон того столба, но я не хотел мешать.

- Какой вздор, я прохаживаюсь в одиночестве на вполне обзорном пространстве.

- Идемте.

Заходим в тамбур, он берет у контролера лист бумаги со своей просьбой администрации предоставить мне свидание с Кириллом и отказом какого-то чина, мотивированным отсутствием персонала для конвоирования Кирилла после окончания рабочего дня, в 17.00.

Так меня обманул Федюкин, грубо, грязно и неотвратно. Он лишь вынес записку от Кирилла, которую позволил прочесть из своих рук и забрал обратно. Кирилл писал, что чувствует себя удовлетворительно, таблеток ему не дают, инъекций не делают. Просит перчатки, носки, шарф, черный рабочий костюм. Хотел бы видеть на свидании после суда своего сына, Ильюшу. В защите он нуждается *до суда* (подчеркнуто им), хорошо бы от международной ассоциации юристов. Если не получится, предоставляет вопрос защиты на мое усмотрение.

Через полчаса выходят Бобряшова и Федюкин.

- Вы меня обманули, нарочно затянули время и получили предлог отказать в обещанном свидании. Вы меня обманули, но я не обманут. Вы бесчестный человек, а ведь элементарная честность нужна даже следователю!

- Думайте, что хотите.

Когда мы остаемся с Бобряшовой вдвоем, она мне коротко передает свою беседу с Кириллом. Она в основном касается процедуры вопросов, связанных с предстоящим судом. Ее, Бобряшову, кандидатуру как защитника, Кирилл обошел молчанием, предоставив решение на мое усмотрение.

Бобряшова поясняет, что при заключении соглаше-

ния с ней я могу выслать деньги, 70-80 рублей, по адресу юрконсультации. Расстаемся, уезжаю домой.

Делаю еще одну попытку добиться свидания с Кириллом.

26.12 ЕЛЕЦ ЛИПЕЦКАЯ ПРОКУРАТУРА НУЖНОВУ
ПРЕДОСТАВЬТЕ МНЕ СВИДАНИЕ С СЫНОМ ОБСУЖДЕНИЯ
КАНДИДАТУРЫ ЗАЩИТНИКА СУДЕ ОТВЕТ ОПЛАЧЕН
ПОДРАБИНЕК

На что получаю ответ

ЕЛЕЦ 1561 35 29 1622
СООБЩАЮ ЧТО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО УЖЕ НАПРАВЛЕНО ЛИПЕЦКИЙ
ОБЛСУД КУДА ВАМ И СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ ТАК КАК
ПОДРАБИНЕК ПЕРЕЧИСЛЕН ЗА ОБЛСУДОМ
ПРОКУРОР ЕЛЬЦА НУЖНОВ

Резонно, посему 30.12

ЛИПЕЦК ОБЛАСТНОЙ СУД ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
МОСКВА ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ПРЕДОСТАВЬТЕ СВИДАНИЕ СЫНОМ ПОДБОРА ЗАЩИТНИКА
СУДЕ ОТВЕТ ОПЛАЧЕН ЭЛЕКТРОСТАЛЬ 8 МАРТА 23 КВ 2
ПОДРАБИНЕК

Ответ:

ЛИПЕЦК 1/80 37 31 12 52
ВОЗРАЖЕНИЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СВИДАНИЯ СЫНОМ ЗАЩИТНИКУ
И ВАМ СООТВЕТСТВИИ ТРЕБОВАНИЯМ СТАТЕЙ 202 И 360
УПК РСФСР НЕ ИМЕЕТСЯ ДЕЛО НАЗНАЧЕНО РАЗБИРАТЕЛЬ-
СТВОМ 10 ЧАСОВ 8 ЯНВАРЯ 1981 ГОДА
ПРЕДДЕЛУ БОРИСЕНОК

360 статья относится к свиданиям с осужденными после суда, а я просил о свидании до суда.

И последнее досудебное мое послание.

ЛИПЕЦК ОБЛАСТНОЙ СУД ПРЕДДЕЛУ БОРИСЕНКЕ
ПРОШУ СООБЩИТЬ ГОРОД МЕСТО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА

ПОДРАБИНЕКА ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ ВЫСТУПИТЬ ЗАЩИТНИКОМ
СЫНА СУДЕ ЭЛЕКТРОСТАЛЬ 8 МАРТА 23 КВАРТИРА 2
ПОДРАБИНЕК

Суд-то может быть выездным, поеду в Липецк, а выездная сессия состоится в Ельце, в 10 утра. Бобряшова мне подсказала такую возможность, о которой, впрочем, я и сам знал. Что было для меня новостью в ее словах, это то, что суд может состояться в каком-нибудь клубе.

Ответа на свою телеграмму Борисенке я не получил. Бобряшову известил, что до заключения с ней договора должен получить свидание с Кириллом. Договор так и не был заключен. Я терял возможность точно знать от Бобряшовой, где и когда состоится суд, зато отклонял замысел постановщиков суда.

* * *

Завтра суд. Если состоится его выездная сессия, то, скорее всего, к началу рабочего дня судье с секретарем подадут машину и они укатят в Елец. Нужно ознакомиться с входами и выходами здания суда, посмотреть, где оставить такси, чтобы, не мешкая, отправиться вслед. Если я их упущу - пиши пропало: суд может провести заседание в любом клубе - пойди, разыщи!

Садимся в автобус и едем к центру города. Право, недурной сюжет для фильма. Назвать, скажем, так: "В погоне за правосудием. Детектив наизнанку". В первой части немолодой человек, отягченный собственными и сыновьями грехами, ищет адвокатов, но они ловко от него ускользают. Они объединены в могущественный трест, у них связи по горизонтали и по вертикали, на их стороне - сила. Они легко обходят уловки немолодого гражданина - не ходят на работу и ночуют по знакомым, и он подведен со своими заботами к самому началу судебного процесса. Во второй части наш герой круто **меняет** тактику. Ему нужен закон, он домогается его **служителей**, но избегает прямого контакта с ними. Пусть **органы** правосудия забудут о нем, а он, невидимый, **неслышный**, неустанно будет за ними следить и в нужный момент - а вот и я! И никуда от меня не денешься! Но **работники** правосудия тоже не

промах, они не вполне доверяют странному затишью и на всякий случай принимают необходимые предосторожности. В день судебного разбирательства судья и его секретарша меняются платьями, гримируются и прячутся в цистерну молоковоза, который везет их в город Е. Наш герой это предвидел, он начеку. За тысячу рублей, перешедших из первой части фильма, он подкупает шофера молоковоза и едет с ним в кабине со всеми удобствами, пока судья с секретаршей размазываются по стенам цистерны. В городе Е. они вылезают, снимают грим, меняются платьем и заходят в контору мебельной фабрики, где все подготовлено к заседанию суда — три стула с высокими спинками, публика. Через несколько минут в контору заходит мой герой, он занимает табурет. Судья темнеет лицом, но он джентльмен, он умеет проигрывать.

— Ваша взяла, моя карта бита! Оставайтесь на суде, — говорит он.

Третья часть фильма не успела вызреть, мы приехали. Суд занимает небольшое двухэтажное здание в тихом переулке. Обойти его со всех сторон не удастся, так как сзади к нему примыкает большой двор с воротами на замке. Заходим в здание. Небольшой холл. Доска объявлений о делах, назначенных к рассмотрению в первичной и кассационной инстанциях, она пуста. Неужели фильм в руку?! Может, суд над Кириллом отменен? Объявление должно висеть за три дня до его начала. Или оно висит в городе, в конторе мебельной фабрики? Впрочем, есть еще вариант — не вывесили, чтобы не привлекать нездоровое любопытство посетителей.

Из холла несколько ступенек ведут к перпендикулярному к ним коридору с рядом дверей. Две комнаты занимает президиум коллегии адвокатов. Трогательное соседство, для полного обеспечения службы закона не хватает лишь прокуратуры, так как тюрьмой, хоть и небольшой, здание суда обеспечено, как я потом узнал. Из коридора широкая лестница ведет на второй этаж. Там, в правом крыле, кабинет председателя суда. Нет, показываться ему не будем, это бы нарушило сценарий фильма.

Идем устраиваться в гостиницу. Заполняя гостевую карточку, записываю в строчке — "цель приезда" — по собственным делам. Администратор возвращает карточку и

просит поставить другую цель.

- Позвольте, но я приехал в Липецк по делам, причем именно по собственным.

- По каким-таким делам? Какие у Вас тут могут быть дела?

- Я же сказал - личные. У меня не может быть своих дел, что ли?

- Объясните хоть, что Вас смущает? - добавляю я, видя, что она расстроена моим упорством.

- Напишите, что приехали в гости.

- Хорошо, пускай в гости, но почему?

- По личным делам, это значит будете торговать, а нас за это милиция жучит.

- Чем я могу торговать, авоськой и недоеденным бутербродом?

Пожимаю плечами и сажусь переправлять карточку. Нескольким смуглым людям, прислушивавшимся к нашему разговору, остались им очень довольны. А! Вот в чем дело, она меня приняла за нацмена, со мной это часто бывает. Мнимым моим соплеменникам я оказал, кажется, услугу. Не сомневаюсь, что в их карточках будет проставлено "приехал в гости", даже если они собираются потогреть фруктами, у них много чемоданов, и весьма внушительных размеров.

Зато легко разрешается беспокойная одна забота. Понятно, нам с Сусанной лучше бы занять двухместный номер. Фамилия у нее не моя, это неважно, может быть замужем. Но вот отчество у нее русское. Доказать, что она моя падчерица, мы не можем, так как она не могла разыскать дома своего свидетельства о рождении. Это вообще скверно, ее могут не допустить на суд над Кириллом - ее братом. Но тут, в гостинице - обошлось, администратор и ухом не повела, веди, дорогой, в номер любую даму.

Устроившись, идем обедать. Терпеть не могу рестораны, поэтому заходим в кафе. Беру бифштекс и раздумываю, что я такое ем. Хлеб вместо мяса куда ни шло, но тут нечто другое, никак не могу понять. Пока пытаюсь сообразить, это нечто съедено, унося свою тайну в желудок, который вскоре подсказывает: "Что-то скверное" кишечнику. Не смешно. Мыслимо ли догонять правосудие со спущенными штанами? А если даже суд состоится в Липец-

ке, позволят мне разве без конца входить и выходить в зал? Справка врача о кишечном расстройстве (если я ее получу) едва ли поможет, поэтому вместо намеченной прогулки по городу принимаюсь за интенсивную терапию. Успешно, ибо к утру восстанавливаю статус кво анте.

Первый день, 8 января 1981 года

В девять мы у здания суда. Заходим. На доске объявление о суде над Кириллом, статья 190¹, начало в десять утра. Погоня отменяется, скромно занимаем места на ближайшей скамье в коридоре. Минут через пятнадцать из канцелярии выходит секретарь, забегает по лестнице, возвращается, открывает ключом дверь, примыкающую к нашей скамейке, осматривает помещение, снова его закрывает.

- Его здесь будут судить?

- Здесь.

Передвигаемся ближе к двери. Еще через несколько минут по одному и группами собирается публика. Спешу до начала заседания накуриться. Лестница, ведущая на второй этаж, образует под собой нишу метра три длиной, полметра шириной. В середине ниши на высоте человеческого роста дверь, упирающаяся в лестницу и открывающаяся в подвал. Там Кирилл будет находиться во время перерывов суда. Против двери - три окошка, из которых виден тот самый двор, который мне мешал вчера обойти здание. Пока курю, с лязгом открываются ворота, въезжает пикап с офицерами и четыре служебных автобуса с заключенными и сопровождающими их стражами. Из машины вываливается человек пятнадцать солдат, ефрейторов, прапорщиков с малиновыми петлицами МВД. Крики команд, топот сапог, словно готовятся к штурму здания. С озабоченными лицами пробегают военные и штатские, меня вытесняют из закутка в коридор.

Здесь тоже идут последние приготовления. Многие спешат оформить в канцелярии командировочные удостоверения. Трое штатских нацепляют на рукава красные повязки дежурных. Один из них, молодой, но вполне лысый, занимает распорядительный пост на лестнице. Ко мне подходит жирный субъект с толстым задом. Он получил при-

глашение в суд, но ему не сказали, по какому поводу. Необычная кутерьма его слегка тревожит, ему хотелось бы знать, что тут происходит.

- Будут судить молодого человека, - объясняю ему.

- Сколько народу... некоторых я даже знаю.

- Очень интересно, кто же тут находится?

Он поворачивается, разглядывает публику.

- Это городской прокурор, вот из обкома партии. Тот вроде... - и не договаривает. По его лицу пробегает тень смущения.

- А что натворил человек, которого судят?

- Его по 190¹. Вы сами откуда?

- Я председатель Липецкого ДОСААФ. Что это такое, 190¹?

- Распространение заведомо ложных измышлений о советском государственном и общественном строе.

- Не совсем понимаю, что он такое наделал?

- Ну, говорил, что в стране нашей нет гражданских свобод, демократических выборов, сами знаете.

Он сочувственно вздыхает, потом справляется.

- А Вы откуда знаете, Вы откуда?

- От себя, я отец подсудимого...

Он спешно ретируется. Видимо, его пригласили составить оппозицию единоверцу-крамольнику, он и ко мне подошел как единственному здесь компатриоту, но "свой" оказался хуже "гоя", и больше он меня знать не хочет.

Секретарь предлагает публике раздеться. Все поспешно проходят в просторный зал и сбрасывают верхнее платье на стулья, столы, подоконники. Нам не хочется. Подхожу к лысому, взирающему с брезгливым снисхождением на поднявшуюся суету. Он мне любезно разъясняет, что, конечно же, мы можем зайти в зал одетыми, коли не желаем следовать примеру других. Становимся в ряд у дверей этого зала, впереди нас человека четыре. Когда подходит наша очередь, дежурный с повязкой преграждает нам путь, требуя, чтобы мы разделись. Ссылаемся на лысого, он и слушать не хочет. Если мы пойдем раздеваться, то места окажутся занятыми и нас не впустят: я успел разглядеть, что зал маленький, человек на тридцать. Тот, который превратился в гардероб, раза в четыре больше.

Сбрасываем одежду прямо у порога, переступаем че-

рез нее, предоставляя следующим за нами путаться в ней и топтать, спешим занять места. Когда же все расселись, оказалось, что действительно свободных мест уже нет. Всего здесь два ряда по пять скамей, каждая на три-четыре человека, но первые две скамьи освобождены для конвоя и дежурных.

Хотя люди теснятся, к нам никто не подсаживается, мы преданы остракизму и поэтому живем с Сусанной просторно на предпоследней скамье, в ряду, ближайшем к двери. Я мельком успел заметить, что скамья подсудимых впереди другого ряда, перпендикулярно к нему, и пошел занять выгодную позицию — наискось от Кирилла и не слишком близко, за спинами впереди сидящих.

Однако, не век же валяться нашей одежде. Я очень дорожу своей шубой: она первая в моей жизни. Жена выпотрошила старый тулуп, который знакомая собиралась выбросить, выбрала приличные лоскуты овчины, подбила ими легкое пальтецо, и вещь получилась на славу. На седьмом десятке я понял, что хорошее пальто, это когда не знаешь, холодно на улице или нет. Дежурный предлагает нам убрать наши пожитки, мы заручаемся его публичным обещанием, что Сусанну пустят обратно в зал, она относит вещи в ту же самодельную гардеробную и благополучно возвращается на свое место.

Из коридора доносится грохот сапог, дверь резко распахивается, картинно появляются пятеро: двое конвойных с винтовками, за ними Кирилл, руки назад, сзади еще двое конвойных, шествие замыкает начальник конвоя, браваый прапорщик со щеточкой усов и в очках. Кирилл садится на скамью подсудимых, двое солдат встают по бокам, двое садятся в первом ряду, очкастоусатый командир ведет свободный образ жизни, пересаживается куда ему вздумается, но так, чтобы постоянно держать в поле зрения Кирилла и нас двоих одновременно.

Приветствуем Кирилла поднятыми в рукопожатии руками, он отвечает тем же. Я не видел его год, он изменился. Лицо похудело, щеки впалые и от этого будто вырос нос. Указываю ему пальцем на это обстоятельство, он знаками показывает, что носом пошел в меня. Получаю первое замечание от начальника конвоя. Он подходит к нашей скамье и вежливо произносит: "Разрешите обратиться,

обмениваться знаками запрещается".

Развожу руками от рта к потолку, что можно толковать как изумление, а по замыслу изображает в пространстве рупор - "о тебе передано в эфир". Чтобы завершить образ, черчу над головой волнистую линию, предоставляя прапорщику толковать ее, как ему вздумается. Кирилл в знак понимания прикрывает веки. Начальник конвоя требует, чтобы он не смотрел в зал.

- По закону я должен сидеть лицом к залу, - отвечает тот.

- Ты должен слушать мою команду!

- Закон выше тебя, прапорщик, придется тебе подчиниться.

Прапорщик на время от него отстает.

Кирилл нам улыбается, но от этой улыбки хочется плакать. Она выражает насмешку, презрение и торжество победителя. Это так не вяжется с его положением... Одет он в черное. Грязный ватник, темные брюки, заправленные в стоптанные грязные сапоги, маленькая черная ушанка нелепо торчит на длинных волосах, космами спадающих на затылок и бакенбарды. Я понимаю, он хочет нас ободрить, показать, что выдержал битву, но улыбка выдает его измученность и затаенную боль, отзывающуюся во мне ответной. Лучше, когда он не улыбается, тогда за его физической слабостью и усталостью я чувствую неукротимую волю и в глазах читаю движение сосредоточенной мысли.

Разглядываю и публику. Впереди и сзади нас, в том же ряду, несколько производственников-активистов с комсомольским жаром в груди и отличными перспективами. На первой скамье седой старичок, ветеран партии, опекаемый ответственным обкомовским работником и двумя дамами, по-видимому, юридического света. В другом ряду - оперативные работники, функционеры КГБ и МВД. Позднее я узнал от Кирилла, что он заметил среди них московского чина, своего куратора до первой посадки.

Половина одиннадцатого. Секретарь объявляет о том, что адвокат Бобрешова, защитник Кирилла, заболела и через час будет решен вопрос о том, состоится суд или он будет отложен. Все выходят из зала, кроме Кирилла и конвойных.

Ко мне подошел молодой человек невысокого роста,

крепенький, с круглым нагловатым лицом. Когда он разговаривает, рот открывает дырку вместо переднего зуба. У него быстрые движения, весь он верткий, ловкий. Он подсаживается ко мне и очень просто, дружелюбно спрашивает:

- Вы Пинхос Абрамович, отец Кирилла? А Вы Сусанна, его сестра? Я видел Вашу фотокарточку, он мне показывал...

Не успеваю осведомиться о нем, как он сам представляется.

- Я Катаев Саша, полгода сидел вместе с Кириллом, до самой переправки его в больничку.

- А теперь Вы...

- С августа на свободе, отсидел четыре с половиной года. Живу и работаю в Перми, женился, получил квартиру.

Катаев, Катаев... Фамилия знакомая, Кирилл, кажется, называл ее, что-то говорил о Катаеве... Что же именно?.. Не могу вспомнить.

- Вы свидетель, Саша?

- Да, я свидетель. Кирилл просто фанатик, ей-богу, рассказывал все - от Ленина до Брежнева, по всем вопросам советской власти. Кирилл, говорю ему, ты бы помолчал, ведь впают срок... "Не посмеют, - отвечал он, а посмеют, будешь свидетелем, повторяй все, что я тебе говорил, я не боюсь".

- И вот значит сбылось, Вы стали свидетелем.

Кажется, я знаю, кто этот мальчик с таким живым и нагловатым лицом.

- Да, пришлось. В марте меня вызвали в ГБ и я дал показания, как советовал Кирилл. Теперь мне как-то не по себе. Нехорошо получается, что буду на суде обвинять Кирилла.

Молчу. Я вспомнил, кто такой Катаев. Год назад, при последнем свидании Кирилл мне рассказывал, что к нему подсадили задорного, надоедливого мальчишку, от которого ему хотелось бы избавиться. Не могу ли я помочь, поговорить с таким-то (не помню должности, чина). Заявить, чтобы этого назойливого соседа от него убрали. Другой тоже окажется "подсадной уткой", этого не избежишь, но хоть жить будет спокойнее. Иначе, добавил Кирилл, мел-

кие инциденты могут перейти в крупный конфликт, а ему бы этого не хотелось.

- Конечно, поговорю но что если моя просьба не будет уважена?

- Тогда я сам напишу заявление, но мне бы этого не хотелось..

Я выполнил поручение Кирилла, но безрезультатно, ведь вот полгода ему пришлось терпеть этого типа. Нужно было не говорить, а писать.

- Да, нехорошо получается, - продолжает жаловаться мне Катаев. - Скажу, что ничего не помню, прошел почти год.

- Судья Вам покажет Ваши показания, и Вы их вспомните.

- Тогда помнил, а теперь не помню, кроме мелочей. Мне очень неудобно, да вот не знаю, как быть. Откуда же мне было знать, что Кирилл сам говорил: "Передай все, что я рассказывал", а теперь я вроде его подвожу.

- Может быть, отказаться от своих показаний?

- Никак нельзя, толку никакого, а за меня возьмутся ой-ой-ой.

- Не вижу, как Вам помочь, Саша, придется Вам самому решать. Расскажите немного о жизни в камере, о Кирилле...

Судебный процесс Кирилла Подрабинека 8-9 января 1981 г., г. Липецк, областной суд

1. Судебное следствие

8.1.81. 15 ч.

С (Секретарь) - Встать. Суд идет.

Из комнаты, смежной с залой суда, проходят судья и двое заседателей.

Б (Борисенок, судья) - Садитесь. Рассматривается дело Подрабинека, обвиняемого в уголовном преступлении, предусмотренном статьей 190-1 Уголовного кодекса РСФСР - распространение в устной форме заведомо ложных клеветнических измышлений о советском государственном и

общественном строе. Секретарь, доложите суду о составе свидетелей.

С - Присутствуют свидетели: Катаев, Ларин, Руднев, Малых, Красильников, Александров, Австрийский, Кононов, Соколов, Мурашинцев, Овчинников. Не явились четверо свидетелей: Авдоньев...

Б - Свидетелей, находящихся в зале суда, прошу его покинуть. Подсудимый, встаньте. Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения, партийность?

Кирилл отвечает на эти вопросы по мере того, как их задает судья. На вопрос о партийности:

К (Кирилл) - Что Вы имеете в виду?

Б - Я спрашиваю, являетесь ли Вы членом партии?

К - Какой партии?

Б - КПСС.

К - Я не член КПСС.

Б - Когда Вы получили обвинительное заключение?

К - Не помню.

Б - В января 1981 года. С какого времени Вы под стражей?

К - С 26 июня 1980 года.

Б - Мера пресечения?

К - Принята 26 июня, возможно, 24-го.

Б - Оглашаю состав суда. Судья Борисенко, народные заседатели Болмасов и Котелкина, прокурор Нужнов, защитник Бобряшова, секретарь Тихонова. Подсудимый, Вы доверяете суду?

К - Не доверяю ни одному суду СССР, в том числе и данному, ни по одному вопросу.

Б - Почему не доверяете данному суду?

К - Ввиду отсутствия гарантированных правовых норм. Здесь готовится полицейская расправа надо мной.

Б - Вы гражданин Советского Союза. Я не знаю, какой еще суд мог бы Вас судить.

К - Я не гражданин СССР и тоже не знаю, какой суд мог бы меня судить.

Н (Нужнов, прокурор) - Доводы подсудимого несостоятельны, он гражданин СССР.

Б - Итак, не доверяете ни одному суду. Значит, нет оснований для отвода этого. Суд удаляется на совещание.

В это время в зале заседания разыгрывается следующ-

щий инцидент: дежурный по залу, штатский с повязкой на руке, предупреждает меня о недопустимости ведения записей и предлагает прекратить.

Я - Согласно УПК, кажется, статье 17 или 18, я имею право вести записи. И кто Вы такой, ни должности, ни звания которого я не знаю, чтобы так дерзко делать мне замечания? Секретарь, подтвердите, что я прав.

С - Не знаю, спросите судью.

К - Конечно, имеет право.

П (прапорщик, начальник конвоя Кирилла) - На суде Вы должны вести себя как полагается.

К - Это мой суд, а не Ваш, охраняйте меня и не вмешивайтесь не в свое дело.

П - Ваше дело молчать.

К - Как раз Ваше дело молчать, а мое говорить.

После 20 минут совещания входит суд.

Б - Выношу определение. Суд в составе судьи Борисенко, народных заседателей Болмасова и Котелкиной, рассмотрев ходатайство подсудимого Подрабинека об отводе всему составу суда установил: отвод всему составу суда необоснован и отклоняется. - Прапорщик подходит к судье и докладывает, что я веду записи.

Б - Предупреждаю, что в зале судебного заседания воспрещено вести записи любого рода - магнитофонные, рукописные или иные, а также фотографировать или делать киносъемку. Секретарь суда ведет протокол, с которым желающие могут потом ознакомиться.

Н - Личность подсудимого неполностью раскрыта. Давать показания на следствии он отказался, от бесед уклоняется и поэтому я считаю полезным дать возможность его родственникам выступить на суде и дать характеристику подсудимому.

Б - Какие родственники подсудимого здесь присутствуют?

Н - Отец и сестра.

Б - Отец подсудимого, Вы в зале?

Я - Да, я здесь.

Б - Ваша фамилия, имя, отчество, партийность?

Отвечаю на вопросы.

Б - Сестра подсудимого, Вы в зале?

Сусанна - Я здесь.

Б - Ваша фамилия, имя, отчество, партийность?

Сусанна отвечает на эти вопросы.

Б - Подсудимый, как Вы относитесь к выступлениям Ваших родственников для Вашей характеристики?

К - Пусть поступят, как сочтут нужным.

Б - Как относится к таким выступлениям защитник?

Бобряшова - В деле достаточно материалов, характеризующих моего подзащитного. Считаю выступление его родственников излишним.

Б (переговаривается на месте с заседателями) - Суд, посоветовавшись на месте, определил предоставить отцу и сестре подсудимого возможность дать ему характеристику на суде. Отец и сестра подсудимого, покиньте зал и присоединитесь к свидетелям.

Я - При таком условии я отказываюсь от своего выступления, оставьте меня в зале суда как отца подсудимого.

Б - Суд определил Ваше выступление как свидетеля.

Я - Вы нашли предлог вывести меня из зала, чтобы лишить возможности следить за судебным следствием. Это нарушение закона, я не могу быть свидетелем, т.к. не видел, не слышал так называемых измышлений сына.

Б - Это общий порядок, родственников всегда вызывают в качестве свидетелей. Удалитесь из зала.

Я - Предупреждаю, что говорить Вам ничего о Кирилле не буду, и Кирилл, надеюсь, поступит так же.

Мы с Сусанной выходим из зала. Нам не позволяют приближаться к двери, чтобы мы не могли подслушать, о чем там говорится. Вызывают по очереди четырех свидетелей - двух администраторов из Тобольского лагеря ПТК-16 и выпущенных на свободу Александра Катаева и Максима Ларина, отбывших сроки заключения в Елецкой тюрьме. Во время перерыва адвокат Бобряшова заверяет нас, что после перерыва нас впустят в зал, но ее заверение не оправдывается.

В восьмом часу вечера заседание кончилось с тем, чтобы продолжиться завтра, девятого, в 9 часов утра.

9.1.81 г. Вскоре после начала заседания меня приглашают в зал.

Б - Подрабинек Пинхос Абрамович, Вы вызывааетесь сви-

детелем по делу Вашего сына Подрабинека Кирилла Пинхосовича. Вы предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний. Подойдите к трибуне и распишитесь в листе свидетелей.

Я (подходя к судейскому столу) - Пользуясь случаем, ходатайствую о приобщении к делу справки о том, что мой сын заболел в тюрьме туберкулезом легких, диагностированным с опозданием на год. Как врач и кандидат наук свидетельствую, что лечение его должно было продолжаться непрерывно в течение не менее года, что не соблюдалось. Только полноценное, интенсивное и непрерывное лечение может привести к выздоровлению. Заявляю также, что приговор, который вы собираетесь ему вынести, будет не только приговором лишения свободы, но также лишением здоровья, а возможно и жизни.

Б (посоветовавшись с заседателями, прокурором и защитником) - Ходатайство принимается, справка приобщается к делу. Перейдите к характеристике подсудимого.

Я - Никакой характеристики я давать не буду. Я не хочу поддержать начинание судьи - удаление из зала заседания родственников под предлогом характеристики подсудимого. Я не хочу создать прецедент, которым пользовались бы в дальнейшей практике. Быть же свидетелем я не могу, т.к. с сыном меня разделяли сотни километров и тюремные стены. Вы, гражданин судья, мне отказали в десятиминутном свидании с сыном для подбора защитника на суде, Вы не ответили на мой телеграфный запрос, в котором я просил допустить меня на суд в качестве такого защитника.

Б - Садитесь. Вызовите Ключихину Сусанну Леонидовну. Ключихина, Вы вызываетесь по делу Вашего брата Подрабинека. Вы предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний.

Сусанна - Я знаю, что о моем брате. Показаний давать не буду.

Б - Почему Вы отказываетесь дать показания?

С - Потому, что не считаю возможным здесь выступать с показаниями.

Б - Садитесь.

Н - Скажите, Ключихина, Вы родная сестра подсудимого?

С - И на этот вопрос я тоже отказываюсь отвечать.

Вызывается свидетель Руднев, из администрации Елецкой тюрьмы, воспитатель. В дальнейшем, как правило, я не буду приводить формулу приведения к присяге, т.е. ответственности за дачу ложных показаний и предложения расписаться в листе со списком свидетелей. Не буду также приводить краткие автобиографии свидетелей, т.к. не запомнил их.

Б - Свидетель Руднев, что Вы можете сказать о преступной деятельности подсудимого Подрабинека?

Р - Мое первое знакомство с П. произошло когда его поместили в наше учреждение. У нас состоялась беседа, во время которой он сказал, что является не уголовником, а диссидентом, что он борец за демократию и свободу. В дальнейшем я узнал, что он подобные разговоры вел со своими сокамерниками.

Б - Как Вы это узнали от сокамерников?

Р - Да, от его сокамерников. Они жаловались на него, просили избавить от него.

Б - Почему просили избавить?

Р - Он им надоел, они не хотели его слушать, особенно когда он нападал на Ленина и Брежнева.

Б - Что же он говорил о Владимире Ильиче Ленине?

Р - Что он взошел на гребне какой-то волны, потом ошибался, что из него сделали бога, которому поклоняются и пора его убрать из мавзолея.

Б - А про Леонида Ильича Брежнева?

Р - Что он диктатор и казнокрад, присвоил себе власть и богатства страны.

Б - У защитника имеются вопросы к свидетелю?

Б-ва - Имеется вопрос. Свидетель Руднев, Вы можете отграничить то, что П. говорил Вам лично, от того, что он говорил сокамерникам?

Р (молчит).

Б - Руднев, отвечайте на вопрос защитника. Вы поняли вопрос?

Р (молчит).

Б - Защитник спрашивает, что Подрабинек говорил Вам, а что говорил сокамерникам.

Р - Большею частью одно и то же.

Б-ва - Но ведь не совсем одно и то же, значит раз-

ное говорил Вам и сокамерникам?

Р - Конечно, разное.

Б - Так что же он говорил Вам и что говорил им?

Р (молчит).

Б - Почему Вы молчите, почему не отвечаете на вопрос?

Р (молчит).

Б - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К - Свидетель Руднев, Вы проводили с осужденными политзанятия. Кто был со мной в камере?

Р - Не помню. У меня много камер, и я не могу запомнить, кто в какой сидит.

К - Кто же из моих сокамерников жаловался на меня, просил избавить от меня?

Р (молчит).

Б - Свидетель, отвечайте на вопрос подсудимого.

Р - Не помню. У меня много народу, это было давно, и я не помню.

Б - Есть еще вопросы к свидетелю?

К - Как часто Вы проводили занятия с нами?

Р - Еженедельно.

К - Так, еженедельно. И не помните, с кем. А что жаловались на меня, помните, но кто жаловался, не помните. Скажите, свидетель Руднев, о чем Вы спросили меня при знакомстве?

Р - Не помню.

К - Мы беседовали наедине. Вы меня спросили, как только я вошел к Вам, напишу ли я книгу о порядках в тюрьме.

Р - Не помню этого.

К - А я ответил Вам: "Смотря по материалам, которые она мне представит". Не помните? У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Вызывается свидетель Малых, из администрации Елецкой тюрьмы, что-то вроде нарядчика работ.

Б - Свидетель Малых, что Вы можете сказать об измышлениях подсудимого Подрабиника о нашем строе?

М - Он говорил, что в стране антисемитизм, угнетаются евреи, казахи и другие.

Б - Что он еще говорил?

М - Что у нас нет гражданских свобод, выборы несво-

бодные, что коммунисты эксплуатируют народ, настоящая демократия в буржуазных странах.

Б - Он говорил это только Вам или еще кому-нибудь?

М - Говорил то же самое своим сокамерникам.

Б - И что же они?

М - Они возмущались, просили отсадить его.

Б - Их просьба была удовлетворена?

М - Да, Подрабинека переводили в другую камеру, но он и там продолжал свои антисоветские разговоры и мы его снова переводили в другую камеру. Так несколько раз.

Б - У защитника имеются вопросы к свидетелю?

Б-ва - Свидетель Малых, бывают у Вас переводы из одной камеры в другую по производственной необходимости?

М - Да, меняются наряды, составы бригад, камеры перестроиваются.

Б - Подсудимый, имеются вопросы к свидетелю?

К - Имеются. Свидетель Малых, из каких камер в какие я переводился?

М - Этого я не помню.

К - Ну, например, куда я был переведен из камеры 56?

М - Этого я не помню. Это было давно и переводы у нас частые.

К - Из камеры 56 я был переведен по просьбе сокамерников?

М - Да.

К - Из камеры 56 я был перевезен в больницу. Припоминаете?

М - Да, в больницу.

К - И выходит, что мои сокамерники хлопотали о моем переводе в больницу потому, что я им надоел разговорами?

М (молчит).

К - Из камеры 13, с пониженным содержанием, я был тоже переведен в камеру 56 по просьбе осужденных?

М - Да.

К - Знаете ли Вы, что я был переведен в камеру 56 вместе с осужденными из камеры 13?

М (молчит).

К - Свидетель Малых, нам приходилось разговаривать с вами наедине?

М - Мы разговаривали и наедине.

К - Что я вам говорил?

М - Что евреев и казахов угнетают, нет свободных выборов у нас, а за границей есть.

К - А Вы мне говорили, что Брежнев старая обезьяна!

М - Я этого не говорил!

К - А я утверждаю, что говорили. У меня нет больше вопросов к свидетелю Малых, он достаточно показал себя как свидетель.

Вызывается свидетель Красильников, майор МВД, зам. начальника Елецкой тюрьмы по политической части.

Б - Свидетель Красильников, что Вы можете сказать о клеветнических измышлениях подсудимого о советском государственном и общественном строе?

К-ов - Подрабинек распространял такие измышления, говорил, что наша страна колониальная держава, что в ней не соблюдаются гражданские свободы, наша конституция фикция, народ эксплуатируется КПСС. Я лично беседовал с Подрабинекком, объясняя ему, что он не прав, но он упорно отстаивал свои заблуждения. Я поручал своим помощникам проводить с ним беседы, и они проводили, но так же бесполезно.

Б - Подрабинек распространял свои вредные измышления среди осужденных?

К-ов - Да, распространял.

Б - Вы сами слышали его разговоры с осужденными?

К-ов - Нет, мне об этом докладывали мои помощники.

Н - Как зам. начальника учреждения по политической части Вы должны были непосредственно проверить, есть ли такие разговоры.

Б - Но Вы сами тоже слышали такие разговоры?

К-ов - Сам я таких разговоров не слышал.

Б - У защитника имеются вопросы к свидетелю?

Б-ва - Имеются. В деле нет характеристики администрации о моем подзащитном. Как он работал, как вел себя, были ли у него нарушения и какие?

К-ов - Работал он хорошо, всегда выполнял план. За время пребывания в нашем изоляторе у него были два или три незначительных нарушения без административных выз-

сканий.

Б - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К - Имеются. Свидетель Красильников, приходилось ли нам с Вами разговаривать наедине?

К-ов - Да, мы беседовали с глазу на глаз.

К - Вы мне говорили, что Брежнев старая обезьяна!

К-ов - Неправда, это клевета, такого не было!

К - А я утверждаю, что было.

Б - Подсудимый, предупреждаю вас, прекратите этот прием, призываю вас к порядку.

К - Больше вопросов к свидетелю Красильникову у меня нет.

Допрос следующих двух свидетелей, осужденных Александрова и Соколова протекал по одному образцу. На вопрос судьи, что они могут сказать о крамольных разговорах подсудимого, свидетели мнутя, вертят головами и молчат. Молчат помногу, истощая общее терпение. Судьи и прокурор безуспешно понукают их высказаться, затем судья вынужден напомнить свидетелям, что они давали письменные показания и просит их вспомнить. Это тоже не приводит к цели, тогда судья отрывок за отрывком прочитывает показания свидетелей на предварительном следствии и свидетели подтверждают их. Эти показания составлены по трафарету. Кирилл говорил о притеснении евреев и казахов, отсутствии в нашей стране демократии, гражданских свобод, что советская конституция фикция, а советское государство колониальная держава, он порочил Ленина и Брежнева.

Моя память уже перегружена показаниями предыдущих свидетелей, я не стараюсь запомнить стереотипные показания этих двух, оставляя место для более интересной информации. Не запомнил также вопросы, которые задавал этим свидетелям Кирилл. Впрочем, выяснилось, что Александров давал свои следственные показания 8 апреля, а уже с 27-го он работал без конвоя.

Показания следующего свидетеля, Кононова, интереснее. Он наивно проговаривается о том, что дал письменные показания на предварительном следствии зам. прокурора г. Ельца по надзору Фролову после того, как тот показал ему показания предыдущего опрошенного. Так сказать, в виде образца. Судья и прокурор, якобы уточняя

это обстоятельство, старались добиться у свидетеля отказа от его слов, компрометирующих органы следствия, но цели не добились.

Вызывается свидетель Филимонов Анатолий, 1956 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, осужденный на три года тюремного режима. Его показания настолько впечатляющие, что зафиксировались в моей памяти почти с протокольной точностью.

Б - Свидетель Филимонов, расскажите, что вы знаете о преступных действиях подсудимого Подрабинека.

Ф - Я показаний давать не буду.

Б - Но вы знаете Подрабинека?

Ф - Знаю.

Б - Так почему не будете давать показаний?

Ф - Гарантируйте мне личную безопасность, тогда дам.

Б - Что за новости, никто и ничто Вам здесь не угрожает. Чего Вы боитесь?

Ф - Здесь - ничего. Гарантируйте безопасность, тогда все расскажу.

Б - Вы давали на следствии показания?

Ф - Да.

Б - Так подтвердите их.

Ф - Я отказываюсь от своих письменных показаний на следствии.

Б - Почему?

Ф - Они были ложными.

Б - Зачем же Вы дали ложные показания на следствии?

Ф - Под страхом.

Б - Страхом чего?

Ф (некоторое время молчит, колеблется, затем решается) - Страхом пресс-камеры.

Б - Это что за камера, никогда не слышал.

Ф - О ней знают все заключенные. Пресс-камера, пресс-хата, в которой избивают, уродуют лиц по предписанию администрации.

Б - Кто же их избивает и, как Вы говорите, уродует?

Ф - Подобранные заключенные.

Б - Вас били?

Ф - Нет.

Б - Так откуда же Вы знаете об избивениях?

Ф - От своих сокамерников Абдуллаева и Мошкина, ко-

торых били.

Б - Вы видели, как их били?

Ф - Мошкина избивали до того, как он появился в нашей камере, и продолжали бить, когда он попытался обжаловать это в УПТУ Липецка. Абдуллаева сильно увечили во время моего пребывания в камере. Все-таки это советская тюрьма, а не чилийская хунта!

Б - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К - Имеются. Свидетель Филимонов, Толик, Вы не знаете, снимался кто-нибудь с должности из администрации в связи с разоблачением о пресс-камере?

Б - Вопрос снимается!

Ф - Знаю, было снято три человека.

К - Вопросов больше нет, администрация, конечно же, была в курсе дела.

Филимонова уводят. Кирилл ходатайствует о том, чтобы его оставили в зале суда. Судья не реагирует на это ходатайство, оставляет его без внимания.

К - Ессе хомо! Это человек, в отличие от Вас, судья! (Садится).

Б - Что Вы сказали, повторите!

К (встает) - "Ессе хомо", это человек, в отличие от Вас, судья! (Садится).

Б - Кажется, Вы меня оскорбили? Да, это оскорбление. Ставлю вопрос о Вашем удалении из зала суда. Товарищ прокурор, Ваше мнение?

Н - Думаю, что можно ограничиться предупреждением.

Б - Ваше мнение, товарищ защитник?

Б-ва - Да, можно ограничиться замечанием. Прошу 5-минутного перерыва для разговора со своим подзащитным.

Б (посовещавшись с заседателями) - Подсудимый, встаньте. Суд определил сделать Вам последнее предупреждение за скверное поведение. Садитесь. По просьбе защитника объявляем десятиминутный перерыв.

После перерыва вызывается свидетель Австриевский, осужденный. Это мальчик 20 лет, его показания малоинформативны. Он находился с Кириллом в течение трех дней, в тюремной больнице Усмани, у него сильно болело ухо, ему ни до чего иного не было дела. Кирилл с ним не разговаривал, он, Австриевский, лишь слышал какие-то разговоры Кирилла с соседом по койке. Лучше всего ему за-

помнились слова Кирилла о том, что за границей можно жить без паспорта и делать что хочешь, что за границей у него живет брат. Австриевский тоже проговаривается о том, что давал следственные показания Фролову после того, как тот предъявил ему письменные показания другого свидетеля.

Н - Вы видели эти показания?

А - Видел.

Н - Но вам их не давали читать? Ведь Вы их не читали?

А - Не читал.

Н - Значит, только показывали? Вот, мол, есть еще свидетели и Вы будете свидетелем. Так?

А - Так.

Б - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К - Свидетель Австриевский, прокурор Фролов Вам показывал показания другого свидетеля?

А - Показывал.

К - Других вопросов к нему нет.

Австриевского выводят, вызывается осужденный Мурашинцев, его долго не вводят в зал, минут 10. До него свидетелей вводили тотчас после вызова судьи.

На вопрос, что ему известно о преступных разговорах Подрабинека, Мурашинцев, как и другие осужденные (кроме Филимонова) долго молчит, но затем, решившись, говорит по памяти, без подсказки и зачитывания ему собственных следственных показаний.

М - С Подрабинеком я знаком по ПТК-16 в Тобольске, до его помещения в шизо, во время и после шизо. Это было осенью 77 года. Подрабинек в зоне отказался работать: "Не буду работать на коммунистов", и других подговаривал к тому же. В шизо он объявил голодовку и других уговаривал: "Голодайте со мной".

Б - С какой это радости другие должны были с ним голодать? А сам он почему объявил голодовку?

М - А чтобы получить "крытку". Его в шизо избил.

Б - За что его избил?

М - За то, что он говорил, что мы работаем на коммунистов. Это нам было обидно такое слушать.

Б - Еще что говорил он?

М - Да многое разное. Был недоволен, как живется в

Советском Союзе. Плохо отзывался о Ленине. "Владимира Ильича ты не трогай", говорили мы ему. Это глубокопочитаемый. Но Подрабинек продолжал его поносить.

Б - Что же он говорил о Ленине?

М - Что Ленин ошибался, пошел не в ту сторону, из него сделали бога, на него молятся, а его пора выбросить из мавзолея. Он поносил и Брежнева нецензурными словами. За то, что Подрабинек плохо говорил о Ленине, его избивали.

Б-ва - Так за что его все-таки избили? За то, что он клеветал на Ленина?

М - За это.

Б-ва - Или за то, что он призывал не работать на коммунистов? И кто его избивал?

М - Точно не помню. Сам я не видел, чтобы его били, мне рассказывал Пестов. Он видел, как Подрабинека били Юров и Кузнецов.

Б - Подсудимый, чему Вы смеетесь?

К - "Избили" - не то слово, я не даю себя избивать. Юров меня ударил, я ответил, завязалась драка, так будет вернее.

Б - Мурашинцев, что еще говорил подсудимый?

М - Что нет свободы, народы несвободны, что его в Москве приглашали вступить в сионистскую организацию.

Б - Ого, это тянет на 70 статью! У защитника имеется еще вопрос к свидетелю? Подсудимый, у Вас?

К - Свидетель Мурашинцев, Вы говорили, что я вел клеветнические разговоры в зоне и после выхода из шизо. Так?

М - Так, а что?

К - А то, что из шизо я в зону не вернулся, был этапирован в Елец.

Б - Еще есть у Вас вопросы к свидетелю?

К - Есть. Свидетель Мурашинцев, Вы работали в ПТК-16 завхозом?

М - Это к делу не относится.

К - Нет, относится, прошу ответить на вопрос.

М (молчит).

Б - Мурашинцев, отвечайте на вопрос подсудимого.

М - Работал.

К - Скажите, когда Вы вступили в это должность?

М - Не помню.

К - Я вам напомню. Вы получили эту должность через три недели после того, как Вас вызвали к начальнику зоны и уговорили вместе с некоторыми другими осужденными избить меня, когда я появлюсь в шизо. Спровоцированная драка состоялась. Вы не били меня, но были инициатором этого происшествия.

М - Подрабинек говорит неправду и пугает. Вот недавно он показал одному свидетелю кулак, угрожал, если тот не откажется от своих показаний на суде.

Б - Как это могло случиться? Свидетели не могли встретиться с подсудимым.

М - А вот встретились, когда нас разводили по боксам. Мы были все вместе, и он с нами.

Н - Сколько времени это продолжалось?

М - Минуты две.

Н - И Подрабинек угрожал? Кому же он угрожал?

М - Я его не знаю, он здешний, давал тут показания.

Б - Подсудимый разговаривал с ним?

М - Что-то они переговорили.

Б - Вы не слышали, что у них был за разговор?

М - Подрабинек его уговаривал взять обратно свои следственные показания.

Б - У защитника имеются вопросы к свидетелю?

Б-ва - Свидетель Мурашинцев, сколько времени находился с Вами Подрабинек и где это было?

М - В следственном изоляторе. Я уже сказал, минуты две.

Б-ва - Вы были рядом с ним и Филимоновым?

М - Мы были все вместе, выстраивались.

Мурашинцева выводят.

Б-ва - Я прошу вызвать Филимонова для проверки показаний Мурашинцева.

Н - Считаю это лишним, Филимонов уже дал показания, а Мурашинцев их опроверг.

Б (начальнику конвоя) - Позовите Филимонова и Мурашинцева.

Начальник конвоя уходит и вскоре возвращается с известием, что Филимонова уже увезли.

Б-ва - Я настаиваю на том, чтобы Филимонова вызвали в суд.

Б - Мы обсудим это ходатайство.

Б-ва - Товарищ судья, это не ходатайство. Согласно кодексу выведение из зала суда свидетелей производится с согласия всех участников суда, в том числе защитника. Я такого согласия не давала. Вы об этом меня не спрашивали. Я думаю, что Филимонов здесь, в коридоре.

Б - Если Филимонов еще в Липецком изоляторе, его привезут, но если его успели отправить в Елец, это не получится. (Отдает распоряжение начальнику конвоя, объявляет короткий перерыв. Минут через 20-30 заседание продолжается. В зал вводят Филимонова и Мурашинцева, они встают рядом перед трибуной).

Б - Филимонов, Вы говорили нам на суде, что отказываетесь от следственных показаний. Вы продолжаете от них отказываться?

Ф - Продолжаю отказываться.

Б - Почему же Вы отказываетесь от этих показаний?

Ф - Потому что они ложные.

Б - А не потому, что Вас припугнули от них отказаться?

Ф - Никто не припугивал меня от них отказаться.

Б - Вот Мурашинцев показывает, что Вы виделись с Подрабинеком в следственном изоляторе, это верно?

Ф - Да, когда нас развозили по боксам, мы были все вместе, Подрабинек тоже, я его видел, но мы не разговаривали, он прошел мимо меня и занял место в строю далеко от меня.

Н - Он Вам угрожал и уговаривал отказаться от следственных показаний?

Ф - Мы с ним не разговаривали, и он мне ничем не угрожал.

Б - Повторите, Мурашинцев, свои показания о встрече Филимонова с Подрабинеком.

М - Ну как же, он тебе показал кулак и что-то сказал, когда проходил мимо.

Ф - Это неправда, ничего он мне не показывал.

М - А сигареты давал?

Ф - Сигареты дал.

Б - Сколько он дал Вам сигарет?

Ф - Три пачки.

Б - И потом Вы отказались от своих следственных по-

казаний?

Ф - Не из-за трех же пачек сигарет!

Б-ва - У меня вопрос к Филимонову. Сколько времени вы были вместе?

Ф - Несколько минут.

К - У меня вопросы к свидетелю. Толя, я делюсь с осужденными тем, что имею, раздаю сигареты, когда они у меня есть?

Ф - Всегда делишься, сигаретами тоже.

К - А хозобслуге давал я сигареты?

Ф - И хозобслуге давал.

Филимонова и Мурашинцева выводят. Вызывается свидетель Овчинников. Показания он дает охотно и без подсказки, судья лишь время от времени вставляет замечания, направляющие его рассказ в русло следственных показаний.

О - Подрабинек считал себя большим политиком, говорил, что он диссидент, ругал наши порядки, он еврей и его обижают, а Израиль ведет правильную политику. Он воспитывал своего сына в том же духе.

Б - В том же вредном духе он воспитывал своего сына, а его самого воспитывал отец.

О - Он говорил, что у него в Москве и за границей есть друзья, которые его защищают.

Б - Не защитили, однако.

О - Он знаком с Сахаровым, они собираются у Сахарова и разговаривают.

Б - Вы знаете, Овчинников, Сахарова уже нет в Москве, он уже там не разговаривает.

О - И слава богу, так бы навсегда.

В зале веселое оживление, публика, суд и бандит испытывают одинаково приятное переживание. Судья добродушно смеется шутке Овчинникова, а тот явно доволен произведенным эффектом и благосклонностью судьи.

Вызывается свидетель Малявин. Юрист по образованию, он осужден за уклонение от уплаты алиментов.

Б - Как же Вы так низко пали, Малявин?

М-н - Всякое бывает, гражданин судья.

Б - Расскажите, что Вы знаете о преступных действиях Подрабиника?

М-н - Мы с ним находились вместе в тюремной больни-

це Усмани. Говорили о всяком. Подрабинек говорил мне, в частности, о своих убеждениях.

Б - Что же именно?

М-н - Он считал систему выборов в нашей стране не-демократичной, последнюю конституцию менее совершенной, чем предыдущую, говорил о недостаточном материальном уровне наших людей.

Б - А Вы как на это смотрите, согласны с ним?

М-н - У меня своя голова на плечах и свои мысли в этой голове.

Б - Разговаривал он при Вас с другими осужденными?

М-н - Да, разговаривал.

Б - Что же он им говорил?

М-н - Этого я не знаю, я был слишком занят собственными заботами, чтобы вслушиваться и вникать в сущность беседы.

Б - Что же Вас так заботило?

М-н - Все-таки тюрьма для меня новая и необычная ситуация, есть о чем задуматься.

Б - Но Вы много общались с подсудимым?

М-н - Общался. Мы играли в шахматы, говорили о книгах, о всяком.

Б - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К - Свидетель Малявин, Вы видели сегодня, чтобы я с кем-нибудь разговаривал в следственном изоляторе?

М-н - Нет, не видел.

Малявина выводят.

Б - Четверо свидетелей в суд не явились, но дали письменные показания на предварительном следствии. Один из них (называет) проходит военную службу и не отпущен начальником. Причина уважительная. Свидетель Авдоньев болен, о чем суд уведомлен телеграммой. Причина неявки тоже уважительная. Двое свидетелей (называет) изменили место жительства и установить, где они находятся, не удалось. Думаю, мы можем рассматривать письменные показания в их отсутствие. Ваше мнение, товарищ прокурор?

Н - Считаю возможным рассматривать их письменные показания.

Б - Ваше мнение, товарищ защитник?

Б-ва - Считаю, что заседание следует прервать до

явки в суд свидетеля Авдоньева. Телеграмма о состоянии здоровья составлена им самим и не заверена врачом.

Б - Суд удаляется на совещание для решения вопроса. Через несколько минут суд возвращается.

Б - Суд определил рассмотреть показания четырех свидетелей (называет фамилии) в их отсутствие.

Дает зачитать первое из показаний народному заседателю Болмасову, но тот путает, не может разобраться, и Б. выполняет эту задачу.

Показания составлены трафаретно, стиль общий, они различаются лишь последовательностью "измышлений". Это особенно улавливается в связи с тем, что они зачитываются полностью одно за другим почти без перерыва.

Б-ва - Товарищ судья, разрешите задать вопрос моему подзащитному.

Б - Пожалуйста.

Б-ва (Кириллу) - В материалах Вашей очной ставки с Авдоньевым имеется непонятное для меня место. Вы как будто подтверждаете, что они свидетельствуют правильно. Это что, признание Вами Вашей вины?

К - Я знаю это место, оно плохо записано. Просто, когда Авдоньев меня в камере спрашивал, как ему вести себя, что говорить обо мне на следствии, я ему посоветовал говорить. Что ему заблагорассудится. Это не означает ни подтверждения его показаний, ни признания моей вины.

Б - Подсудимый, какие у Вас еще имеются ходатайства?

К - Я прошу вызвать в качестве свидетелей людей, с которыми длительное время находился вместе, как осужденных, так и освобожденных. Одни из них могли бы дать ценные показания о бесчинствах, издевательствах, избивениях и пытках, имевших место в тюрьме, в лагере, другие помогли бы опровергнуть многие фальшивые показания, данные на предварительном следствии и здесь в суде свидетелями. Это (перечисляет около 20-30 фамилий, из которых запомнились только следующие: Макаров, Сазонов, Репнев, Юров, Пестов, Мошкин, Абдуллаев, Кузнецов).

Б - Товарищ защитник, Ваше мнение?

Б-ва - Я поддерживаю ходатайство своего подзащитного. Большинство представших перед судом свидетелей

лишь короткое время находились вместе с моим подзащитным, их устные показания неполноценны. Лица, более длительно общавшиеся с ним, могли бы помочь суду составить более ясное представление о сути дела.

Б - Товарищ прокурор, Ваше мнение.

Н - Суд получил достаточно веские доказательства виновности подсудимого. Что он, всю тюрьму, что ли, хочет привести в суд?

Его претензии непомерны, они имеют целью осложнить судебный процесс и затянуть время, подсудимый хочет оттянуть расплату. В ходатайстве нужно отказать.

Б - Суд удаляется на совещание.

Через несколько минут суд возвращается.

Б - Мотивы ходатайства подсудимого неосновательны. Он хочет затянуть судебный процесс. Суд определил отклонить его ходатайство. Объявляется перерыв на 30 минут, после чего суд переходит к прениям сторон.

2. Прения сторон

РЕЧЬ ПРОКУРОРА

Прокурор начал свою речь с изложения исторической роли 25 съезда КПСС, наметившего грандиозную программу развития демократии и строительства реального социализма в нашей стране. Аргументы он почерпнул в печатных изданиях, из которых привел целые страницы, не назвав источников. Перешел затем к оценке последней Конституции. Он объяснил, что она всенародная, т.к. была вынесена на общее обсуждение и выражает волю народа. Цитировал из печатных органов несколько абзацев, из которых следует, что даже недружественная нам зарубежная пресса признает советскую конституцию передовой, по демократичности превосходящей конституции буржуазно-демократических стран.

Весь советский народ с энтузиазмом отдает свои силы для претворения в жизнь намеченной 25 съездом КПСС программы в полном соответствии с конституцией и подходит к 26 съезду КПСС со знаменательными успехами. Свидетельством доверия народа к партии и правительству являются выборы в верховные органы власти, выборы общие,

прямые и тайные. В них принимает участие 99,85% имеющих право голоса и почти столько же выбирают выдвинутых кандидатов.

Только ничтожная кучка отщепенцев, входящих в доли процента, недостающие до ста, разного рода подрабинеки противостоят народу, правительству, партии. Конечно, никто не боится этой жалкой кучки людей, но они живут среди нас и оставляют свой зловонный след. Их нужно изолировать от общества.

Затем прокурор зачитывает две басни - С. Михалкова, кончающуюся словами: "... а сало русское едят" и Крылова "Слон и Моська", и переходит к преступлению подсудимого. }

ЭТО:

Его измышления об отсутствии в нашей стране демократии, измышления, которые подтверждаются вышеизложенным.

Высказывания о том, что конституция в СССР фикция, тоже опровергнуты вышеизложенным.

Высказывания об эксплуатации КПСС народа. Они нелепы и чудовищны. В партии состоит 16 миллионов человек, из них 55% рабочие. Кто же кого эксплуатирует?

Измышления о том, что выборы в СССР несвободны. Подсудимому скоро будет 30 лет, следовательно, он сам неоднократно участвовал в выборах и мог убедиться в их демократичности. Заходи в кабину, зачеркивай фамилию кандидата, который тебе не нравится. Выборы в нашей стране - это всенародный праздник, люди идут к избирательным участкам семьями, с песнями, плясками, с радостью.

Его измышления об угнетенном положении евреев в СССР. Евреи пользуются одинаковыми с другими народами Советского Союза правами. Можно привести множество примеров. Буквально на днях Леонид Ильич Брежнев тепло поздравил Дымшица, члена ЦК КПСС, еврея, с вручением высокой награды. Неправда, что евреи не допускаются к разработке ядерной техники. Евреями являются Ландау, правда, уже умерший, ныне здравствующие академики-физики Гинзбург, Арцимович. Евреи равноправно участвуют во всех сферах общественной жизни. Широко известен писатель еврей Симонов, всеобщей любовью пользуется Аркадий Райкин, оценены боевые заслуги дважды героя Советского Со-

юза Корсунского. Этот перечень можно дополнить многими и многими именами. Не нужно забывать, что евреем был первый председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов, один из ближайших соратников нашего великого вождя Владимира Ильича Ленина.

Его измышления о том, что СССР колониальная держава. Советский Союз оказывает значительную и бескорыстную помощь многим развивающимся странам, помогает народам, борющимся за свободу своей родины.

Его клеветнические нападки на нашего гениального вождя Владимира Ильича Ленина. Подсудимый осмелился высказаться о нем как личности, взошедшей на гребне какой-то волны, говорить об его обожествлении, о том, что его нужно выбросить из мавзолея.

Его позорная клевета на руководителя нашей партии и государства, человека высокой гуманности, Леонида Ильича Брежнева. У подсудимого хватает наглости заявить, что Брежнев старик, что он диктатор, присвоивший себе власть и богатства страны.

В ходе предварительного и судебного следствий вина подсудимого доказана. Свидетель Филиппов (прокурор имеет в виду Филимонова) пытался выручить Подрабинека, но ясно, что тут имел место сговор, показания Филимонова на суде не заслуживают никакого доверия, что подтверждается показаниями других свидетелей.

Прокурор требует, учитывая прежнюю судимость, максимального наказания, предусмотренного за распространение заведомо ложных измышлений о советском государственном и общественном строе - три года заключения в ИТК строгого режима.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА

Прокурор выдвинул свои обвинения на основе письменных показаний, данных свидетелями на предварительном следствии. Как известно, материалы предварительного следствия не могут быть основополагающими при решении вопроса о виновности, ее позволяет установить только судебное разбирательство.

Что же показало судебное разбирательство? Говоря о

распространении моим подзащитным измышлений, предусмотренных статьей 190-1, свидетели администрации ссылались на свидетелей-заключенных, а последние не могли выступить со сколько-нибудь удовлетворительным рассказом. Эти свидетели ничего не могли рассказать в устной форме, ничего не могли вспомнить и даже объяснить, почему не могут вспомнить. А ведь в следственных показаниях они были обстоятельны. Только при зачитании в суде данных ими на следствии показаний они их подтверждали.

При этом выясняется не только абстрактный характер этих письменных показаний, в них нет точных указаний на место, время, обстоятельства, при которых мой подзащитный совершал антисоветские (так я буду говорить для краткости) выступления. Показания от этого теряют свою достоверность. Только в двух случаях доказано, что мой подзащитный выступал с антисоветскими заявлениями. Это, во-первых, когда его избил Юров за то, что он не хотел "работать на коммунистов" и, во-вторых, когда он сказал Малявину, что является диссидентом. Кстати, Подрабинек не отказывался от работы в принципе. Ему в ИТК-16 предлагали работу, которая ему была непосильна по состоянию здоровья, когда же он был переведен в Елецкий изолятор, то он от работы не отказывался и, как свидетельствует администрация, работал хорошо, всегда выполнял план.

Таким образом, о систематических ложных измышлениях, распространяемых моим подзащитным, просто нет достоверных доказательств, а на основании следственных материалов, не подтвержденных в судебном следствии, прокурор не имел права строить свою позицию и требовать наказания в виде трех лет лишения свободы.

Остановлюсь на некоторых обстоятельствах, дискредитирующих показания свидетелей. Они противоречивы. Так, Малых говорил, что разговаривал с Подрабинеким в камере при осужденных, а свидетель Овчинников утверждал, что Малых никогда не разговаривал с Подрабинеким при осужденных, что Подрабинека вызывали для разговоров в администрацию. Двое свидетелей давали показания на предварительном следствии после прочтения им прокурором свидетельских показаний. Это тоже вызывает сомнения в достоверности свидетельских показаний этих двух свидетелей.

лей. Как выяснилось, никто из свидетелей не подтвердил показаний Мурашинцева о сговоре между Филимоновым и моим подзащитным, да и обстоятельства случайной встречи говорят против такого сговора. Это позволяет подвергнуть сомнениям и другие показания Мурашинцева.

Прокурор обвинил моего подзащитного в клевете на Ленина и Брежнева. Отмечу, что если такая клевета и была допущена, она не подпадает под статью 190-1, которая инкриминируется Подрабинеку. Разрешите зачитать диспозиции статьи 190 (зачитывает).

Таким образом, если и будет доказано, что мой подзащитный клеветал на отдельных лиц, он может быть привлечен к уголовной ответственности, но не по статье 190-1.

На основании всего вышеизложенного я считаю, что виновность Подрабинека в преступлении, предусмотренном статьей 190-1, т.е. в систематическом распространении ложных измышлений о советском государственном и общественном строе не доказана и требую его оправдания по этой статье.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО КИРИЛЛА

"Слово не бывает последним", сказал Феликс Серебров, и я с ним согласен. Говорить я буду для двух близких мне здесь, для третьего, которого увезли в камеру, для своих друзей в нашей стране и за ее рубежами, но не для присутствующих в этом зале.

Я не буду защищаться, я буду нападать. В защите нуждается Филимонов, человек исключительного мужества, человек совести, которого ждут серьезные бедствия. Пресс-камера — это филиал ада на Земле. Я знаю заключенного, которому отбили почки, и он умер вскоре после выхода на свободу. Знаю другие случаи. Филимонов выбрал правильную позицию, дав на предварительном следствии ложные показания под угрозой физического насилия. Иначе он попал бы в пресс-камеру (53, бывшую 1) и не попал бы на суд, чтобы подтвердить и разоблачить это ужасное беззаконие. Я расскажу еще о других издевательствах и мучениях, претерпеваемых заключенными, не мирящимися с уни-

жением их человеческого достоинства, но хочу раньше остановиться немного на высказываниях прокурора.

Присоединяюсь к тому, что сказал о них мой защитник, но кое-что добавлю. Прокурору ничего не оставалось, как пробавляться побасенками, так как от себя он мало, что мог сказать, он наносил не удары шпагой, а булавочные уколы. Я вам тоже прочитаю стихи, но свои собственные.

ИМ

"Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева есть мятеж"

А. Блок

Ночь пала на город, и люди заснули,
Витают незримо Эриньи,
И им не помогут ни танки, ни пули,
Ни люди в материи синей.

Бессильны помочь ИМ продажные перья,
Бессильны газеты, плакаты,
Им призраки ночи над городом рея
Пророчат мгновенья расплаты.

"Нелепица!" - скажут, бренчащие лиры
И вольная смелость поэта.
Но светятся окна какой-то квартиры,
И люди беседуют где-то.

Я знаю, бессонница чья-то жестока,
И совесть не дремлет у всех.
У жизни под теплым покоятся боком
Любители низких утех.

Я знаю, что гневом созреет презренье.
Им грозная снится межа.
И словом и делом ночные виденья
Пророчат огонь мятежа.

23 марта 1980 г.

(Аплодисменты мои и Сусанны).

Вы, прокурор, едите в сто раз больше сала, чем я. При-

веду китайскую поговорку: "Огонь в бумагу не завернуть". Так вот, в словах судьи, прокурора и многих свидетелей проглядывает их собственная тоска по заграничным материальным благам. Я не мог об этих благах говорить так, как они, потому что этими благами мало интересуюсь.

Вообще, показания свидетелей мало чего стоят. Они получены физическим насилием или под его угрозой. Если бы сюда вызвали Юрова, он бы признал, надеюсь, как признался мне, что его вызвали вместе с другими в администрацию и дали задание избить антисоветчика, который сейчас поступит в шизо. Что Мурашинцев и Овчинников насильники, выяснилось здесь на суде. К другим свидетелям применяли шантаж и подкуп сокращением срока, улучшением условий и т.п. Катаев был подсадной уткой, он сам мне об этом говорил и советовался со мной о том, что ему докладывать начальству.

Прокурор превозносил выборы в нашей стране. Под выборами я понимаю выбор между чем-то одним и другим. Иное толкование этого слова бессмысленно. Прокурор говорил, что, участвуя в выборах, я мог убедиться в энтузиазме населения на этих празднествах. Он ошибается, я никогда в так называемых выборах не участвовал.

Он приводил примеры знатных и любимых евреев. А знает ли он о циркуляре, который предписывает не давать значительных должностей лицам национальности той страны, с которой наша в недружественных отношениях? Относительно процентной нормы в ВУЗах для евреев? Если бы Вы, прокурор, были евреем, то почувствовали бы, что это значит!

Еще он говорил, что я служу своим хозяевам. Да, у меня есть хозяин, которому я стараюсь верно служить, точнее, хозяйка, это - ИСТИНА.

Вы, судья, как и прокурор, тщательно избегаете одной темы, хотя в показаниях свидетелей она неоднократно звучала. Вы много говорили о правах человека, демократии, конституции, колониализме и прочем, говорили так, что порой ваши слова звучали как антисоветская пропаганда. - "Огонь в бумагу не завернешь!" Но вы оба обошли полным молчанием мою повесть "Несчастные", переданную за границу и опубликованную в ряде стран. А ведь хорошо знаете о ней, читали ее на русском. Вы умал-

чиваете ее потому, что боитесь о ней говорить. Здесь вы не подготовлены, а главное, не хотите касаться кошмарных испытаний множества людей. Пуще всего вы боитесь гласности, хотя бы и о том, что всем известно!

Вот за что вы меня судите здесь или, вернее, мстите. За это и еще за мои разоблачения жестоких порядков в Тобольском лагере и Елецкой тюрьме.

В шизо Тобольского лагеря холод, вместо положенных 18 градусов не больше 5 и вот, приходит начальник зоны и говорит: "У вас тут, ребята, жарко!" и выключает кран отопления.

Это настоящее убийство!

Б - Подсудимый, говорите только о себе.

- Я и говорю о себе. Я находился в шизо больше трех месяцев, хотя и пятнадцати суток достаточно, чтобы подорвать здоровье человека: здесь я получил туберкулез легких.

В Елецкой тюрьме в камере 13 пониженного содержания такая сырость, что заключенные ложатся спать на тряпки, которые по утрам выжимают.

Б - Не отклоняйтесь от своего дела, подсудимый.

- Я не отклоняюсь, мое здоровье от меня неотделимо, значит, это мое дело. А в больнице Усманской тюрьмы свидетелям грозили, что их не будут лечить, если они не дадут показаний.

Б - Подсудимый, перестаньте говорить не по существу своего дела.

- Значит, это не по существу, как на меня составили показания? Что же тогда - по существу?

Б - Вы не должны отклоняться от того, в чем Вас обвиняют.

К - Хотелось бы знать, что конкретно говорит об этом закон.

Б - Пожалуйста, можно Вам привести соответствующее указание УПК.

Б-ва - Разрешите у меня под **руками** кодекс.

Зачитывает из ст. 297: "Суд **не** может ограничивать продолжительность последнего **слова** подсудимого определенным временем, но председательствующий вправе останавливать подсудимого в тех **случаях**, когда он касается объектов, явно не имеющих **отношения** к делу".

Б - Подсудимый, Вы поняли?

К - Понял, что Вы напрасно меня прерываете, я все время касаюсь обстоятельств, имеющих отношение к делу. В Елецкой тюрьме избивание обывденная вещь, независимо от пресс-камеры.

Б - По делу, только по делу.

К - Когда начиналось следствие надо мной, пресс-камеру прикрыли, а некоторых администраторов убрали, но избивание заключенных продолжалось.

Б - Это не относится к Вашему делу.

К - Относится, так как избивались и свидетели, от которых требовались показания на меня.

Б - Говорите только по существу этих показаний.

К - Вы, судья, мне страшно надоели, Вы все время меня прерываете, мне стало противно с Вами пререкаться и я обрываю свое последнее слово. Но сначала я зачитаю обращенные к Вам стихи Пастернака.

Я ЗНАЮ, ВЫ НЕ ДРОГНЕТЕ,
СМЕТАЯ ЧЕЛОВЕКА.
ЧТО-Ж, МУЧЕНИКИ ДОГМАТА,
ВЫ ТОЖЕ ЖЕРТВЫ ВЕКА.

(Аплодисменты мои и Сусанны).

* * *

"Фарс окончен, опускайте занавес!" Сказал эти слова Кирилл после зачитания приговора или сказаны были они на предыдущем процессе три года назад? Может, это Сашины слова? Не помню, в голове туман, сквозь который вижу, как его уводят к машине. Я чувствовал себя эти два дня довольно спокойно, но внезапно хлынувшая сонливость подсказывает, что на самом деле был напряжен. С трудом заставляю себя переговорить с Борисенкой о свидании с Кириллом. Судья тоже не в своей тарелке, слабо махнув рукой, он цедит сквозь зубы: "Все в понедельник". Молча бредем в гостиницу, снимаю шубу и одетым заваливаюсь спать.

У нас два свободных дня, и я провожу их преимущест-

венно за столом. Вспоминаю, записываю, исправляю, вставляю, переписываю и думаю о том, как провезти свои заметки домой. В том, что за нами следят, нет сомнения. Когда мы вчера возвращались в гостиницу, перед ней одиноко маячил какой-то тип. Видно, озяб, бедолага, не мог больше выстоять где-нибудь за углом. И эти телефонные звонки в номер, всего по два - утром и вечером, но ежедневно.

- Такого-то можно?

- Вы ошиблись номером.

- Извините.

Сегодня вечером разговор смешнее. Звонок, беру трубку.

- Кто у телефона? - голос требовательный, повелительный.

- А кого Вам нужно? - спрашиваю в свою очередь.

В трубке одно дыхание, абонент привык спрашивать, а не отвечать на вопросы.

- Э-э, - тянет он, - мне, как его, маленького майора.

- Здесь нет даже самого крохотного ефрейтора, - а, повесив трубку, тут же досадую на себя. Ну, что бы мне было сказать:

- Я маленький майор, слушаю Вас, начальник, - чтобы он ответил?

Остроумие на лестнице, как говорят французы, или в русском переводе: "Хорошая мысль приходит опосля".

У меня достаточно времени и для размышлений. Беспokoит меня вот что. Кирилл запрограммировал себе систему поведения за решеткой и на суде и довольно последовательно ее придерживался. Изобретательно защищался, нападал, находил слабые места в позиции противника и умело наносил чувствительные уколы, все это так, но... по делу ли?

Не сомневаюсь, что он действительно разговаривал с сокамерниками о гражданских правах, конституции, эмиграции и многом другом, причем не так примитивно, как это было представлено в ходе судебного разбирательства. Кирилл логик, он умеет спорить, доказывать, возвращая к сути вопроса собеседника, когда тот увиливает в сторону. Но зачем?

Перед моими глазами прошла дюжина его свидетелей и только у одного Филимонова хватило гражданского мужества в вопросе, кровно важном для всех заключенных. Но оставили ли какой-нибудь след в душе того же Филимонова Кирилловы убеждения? Сомневаюсь, очень сомневаюсь.

Жулик, вор, насильник, убийца – это люди допороговой гражданственности. Пока человек не подчиняется внутреннему закону: "Грабить, насильничать, убивать нельзя!", он гражданином быть не может. Только нравственные чувства воспитывают гражданственность, другого, окольного пути ее становления нет. То же о публике на суде. Самые очевидные нарушения закона не могут сдвинуть душевный склад людей, готовых безмолвно взирать на расправу над мыслью. Встал ли хоть один из них, издал ли возглас удивления, выразил как-нибудь свое недовольство? Нет, ибо они за порогом гражданственности. Конечно, они долго будут смаковать детали необычного зрелища, даже поведают на ушко самым-самым верным друзьям крамольные секреты, но лишь вследствие "мидасовского комплекса" – неумолимой человеческой жажды сплетни.

Так что если целью Кирилла была передача своих убеждений, он ее не достиг; гражданин зреет изнутри, в свете своей совести, без подсказки. Беседовать с ним есть смысл, когда он сам напрашивается на разговор, если только он... не стукач.

Есть две достойные линии поведения правозащитника на суде – защитно-обличительная и игнорирующая. Если мне доведется предстать перед судом, я выберу вторую. Откажусь от любого защитника и сам защищаться не стану, предъявлю лишь одно ходатайство: "Уведите меня прочь отсюда", если откажут, попытаюсь последовать славному примеру – разлежусь на скамье подсудимых и заснуть. Последнего слова тоже не возьму.

Да нет же, у Кирилла была другая цель, он же сам об этом сказал, – разоблачить жестокие порядки в лагере и тюрьме. Это у него получилось. Это консолидирует отпор заключенных, что уже улучшило и, возможно, надолго, условия их существования.

Но зачем, зачем ему были нужны эти беседы?

Вспомнил спор с ребятами на тему – "Слово и дело". Он длился много лет, этот спор. Как водится, дебаты про-

исходили на кухне, в табачном чаду, и кончались лишь тогда, когда Лидия Алексеевна появлялась из спальни где-то за полночь с приглашением немного поспать.

- Слово должно быть свободным, любое убеждение имеет право на существование, - примерно так открывает прения Саша.

- Понятие "убеждение" имеет двойкий смысл. Убеждение - это и мое достояние и распространение его, какой вид убеждения ты имеешь в виду, - коварно вставляет Кирилл.

- И то, и другое. Каждый человек имеет право на свои взгляды и должен иметь право их высказывать, распространять.

- На любые действия он тоже имеет право? - с невинным видом втягивает Кирилл в мои сети брата.

- Ты что, с приветом? Действия могут быть только ненасильственными, не должны приносить вреда.

- Положим, никто не ведает, к чему приведут его действия, часто хочешь добра, а выходит зло. Почитай Цвейга "Глаза извечного брата".

- Читал, знаю. Я имею в виду, что человек отвечает только за предумышленный вред, если я его не сознаю, то мое действие - заблуждение, ошибка, но не преступление.

- А ведь слово имеет ту же размерность, что и действие. По результатам, - включаюсь я в спор. Мы с Кириллом обожаем "размерность" с тех пор, как на одном из семинаров по биофизике dokonали им полдюжину докладчиков, - слово не менее действенно, чем дело.

- Пример? - требует Саша.

- Вагон примеров. Я могу словом вызвать у загипнотизированного даже стигматы...

- Сначала ты должен его усыпить, это насильственное действие.

- Ладно, у бодрствующего я могу словом нагнать в кровь столько адреналина, сколько не сумею, влепив ему пощечину. Почему это - оскорбить тебя я имею право, а выдрать не могу?

- Потому что от начавшейся порки нет защиты, а против оскорбления я могу выстроить для себя защитную броню...

Ну, и так далее. Спор этот в разных вариантах повто-

рялся много раз, как и другой - о свободе. Не знаю, развил ли дальше Саша тему - "Слово и дело", и каким образом, Кирилл же экстраполировал ее неожиданным для меня образом. Он как-то сказал мне, что не видит принципиальной разницы в их практическом применении. То был пунктир, траектория, куда она привела его, не успел выяснить, надеюсь, что двигались мы к выводу, который теперь мне кажется несомненным.

Да, слово и дело по результатам равнозначны. И то, и другое может быть насильственным и ненасильственным. Ненасильственное слово - это информация, насильственное - пропаганда и агитация. Начав говорить или писать, я должен уведомить слушателя, читателя, о чем будет речь, каким образом строю свои доказательства и к каким выводам приду, то есть предварительно четко и просто я должен показать цель своих высказываний и средства, которыми я ее осуществляю. После этого слушатель волен отойти на безопасное для своих ушей расстояние, а читатель - забросить мои письма, не познакомившись с ними. В этом случае я занимаюсь информацией.

А ежели я им не даю такой возможности, завлекаю, интригую обещаниями, которых не раскрываю, без подготовки обрушиваю на них свой скарб - это пропаганда, агитация или то и другое вместе. Тогда я - насильник.

Это вовсе не значит, что насилие словом никогда не позволительно, как, впрочем, и насилие действием. Когда Кирилл разоблачал порядки в тюрьме, это было насилием над судьей и прокурором, которые не желали его слушать, прерывали, заставляли замолчать. Конечно же, он был прав; насильственный отпор насилию законная мера защиты.

В связи с этим несколько слов по очень близкому вопросу.

В последнее время я часто слышал слово "терпимость". Стоило высказать неприязнь к человеку, его слову и делу, кто-нибудь непременно вздохнет и многозначительно прошепчет - "терпимость!"

Прикусишь язык или начнешь подбирать деликатные намеки. Глотая крупные порции терпимости, я почувствовал, что превращаюсь в "дом терпимости", мне это, наконец, надоело и только, бывало, услышу очередной призыв анге-

лократа к терпимости, спешу выяснить: что он под ней понимает? Оказывается, это уважение к чужой личности, умение выслушать, не отвечая резкостями, признавать ее право на убеждения и относиться опять-таки с уважением, как бы они ни расходились с твоим собственным.

Так, так, значит ему можно высказываться, а я терпи?! Он несет, на мой взгляд, галиматью, а я ее уважай, он приходит к подлым, на мой взгляд, выводам, а я признавай их правомерность потому, что ни одна блоха не плоха, все серенькие и прыгают, что нет абсолютной истины. Прервать его нельзя, остановить - тем более. Я ему: "Не желаю слушать", а он обидится и снисходительно прошепчет: "Какой нетерпимый!"

Он насильник, этот терпимец, терпимость - это оружие, которым он пользуется вместо того, чтобы вступить в честный бой аргументами. Нет, дудки, моя терпимость имеет четкий предел: говори, что и как тебе угодно, но будь готов к тому, что я заткну уши или буду отвечать, как мне угодно, пропаганде и агитации я буду сопротивляться, выбор информации - мое право, как, впрочем, и твое.

В понедельник 12 января нам предоставляют часовое свидание с Кириллом в Липецкой тюрьме. Свидание начинается с опозданием на двадцать минут, когда прибывает человек в форме МВД. А так как в час дня у тюремного персонала обеденный перерыв, то у всех собравшихся украли по 20 минут по нашей невольной вине, МВД-ист пришел, полагаю, проследить именно за нами.

Комната свиданий разделена вдоль на отсеки, а каждый из них поперек на две кабинки со стеклянной перегородкой до потолка. В кабинке заключенного табурет и телефонная трубка, в кабине родственников два табурета и две трубки. Обычное предупреждение: "Говорите только по-русски" и тишина разрывается разноголосным говором более дюжины человек. Наш телефон часто глохнет, пропадает звук, и мы предлагаем подслушивающему или ведающему магнитофоном, черт его знает, заниматься своим делом, не мешая нам.

Оказывается, Кирилл равнодушен к кассации. Объясняю ее выгоды: до вступления приговора в силу (если подана

кассационная жалоба, то после ее рассмотрения) разрешены ежемесячные передачи, возможны свидания. Рассказываю о судьбах друзей, передаю приветы, обрисовываю общую обстановку и прошу не строить себе никаких иллюзий, голубой период правозащитного движения окончен.

- Ты замечательно себя вел, но мне хотелось бы хоть пару годиков пожить с тобой поспокойней. Ты можешь для разнообразия себя побересть?

- Ты думаешь, мое поведение обусловлено гражданским пафосом?

- Может быть, романтикой, - мямлю я.

- Ничего подобного, жестокой необходимостью. Только сопротивление могло меня спасти от пресс-камеры, лучше три года строгого, чем в пресс-хате год, переходящий в вечность. Заодно я сделал общественно-полезное дело, по крайней мере на время расчистил местную атмосферу.

Так-то оно так, но Кирилл меня не убедил, а спросить в лоб, зачем ему были нужны коллоквиумы по гражданскому праву не могу, здесь это неуместно.

- Как ты относишься к эмиграции?

- Если не позднее, чем за полгода до конца срока, то положительно, если же позже, то не нужно... вплоть до следующего срока, а там опять не меньше полугодового остатка.

- Не скучаешь?

- Что ты... Последние четыре месяца я жил такой напряженной, полной жизнью, как никогда. И вовсе не в связи с предстоящим судом.

- Какие у тебя отношения с сокамерниками?

- Разные.

- Много народу знаешь?

- Много, а меня знает вся подзаклученная область. Поэтому, вероятно, меня переведут в другую.

Он просит меня переговорить с начальником медсанчасти, пусть тот поинтересуется его здоровьем. Никаких лекарств Кирилл не получает, питание общее, режим без скидок на болезнь. Обещаю. Говорим еще о многом разном, да тут это ни к чему.

Теперь все, можно ехать домой. Прощание с Липецком оборачивается анекдотом.

Зачем мне разговаривать с начальником медчасти, лучше я ему напишу, у нас письменное слово в сто раз дороже устного. В устном разговоре можно получить самые приятные обещания, и если ни одно не будет выполнено — узнать, что они не были даны, узнать, что самого разговора не было. То ли дело бумажка! Послал свою, получил Его. А как же, Он обязан. Положим, отказывают. Новый запрос: "Почему отказал, по какой-то инструкции, циркуляру, параграфу, в общем, такой вот государственной бумажке полагается, изволь выполнять или объясни причину отказа. Не отвечать? Бумажку вверх, бумажку вбок. Они придут к тебе же, эти мои бумажки, и ты задумаешься: "Может, лучше ответить, может, наверху или сбоку на меня рассердятся, ведь соблюдать госбумажку я все-таки обязан!" Получаю ответ. Ах, бездельник, я же не то спрашиваю, ты же не на то отвечаешь, ну, погоди! Следуют суровые мои бумажки вверх, вниз, налево и направо, во все измерения. Ага, зашевелились. По-человечески можно бы без бумажек, ведь законно, ведь нетрудно. Но это по-человечески, а ты так не можешь — по лени, халатности, вздорности, злобности, важности, кто тебя знает! Писать, только писать!

Поэтому иду на центральную городскую почту и подаю телеграмму:

Липецк. Учреждение ИЗ 46/1, Начальнику медсанчасти
НОРМАТИВАМ МИНЗДРАВА ЛЕЧЕНИЕ ТЫЦ СТАДИИ ИНФИЛЬТРАЦИИ НЕ МЕНЕЕ ГОДА НЕПРЕРЫВНО СЫНУ ЛЕЧЕНИЕ ПРЕРВАНО
НАДЕЖУСЬ ПРИМЕТЕ МЕРЫ ИСПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ОШИБКИ ОТВЕТИТЕ ЭЛЕКТРОСТАЛЬ 8 МАРТА 23 КВАРТИРА 2
ОТВЕТ ОПЛАЧЕН ВРАЧ ДОКТОР НАУК ПОДРАВИНЕК

Телеграфистка просматривает бланк с текстом, испуганно смотрит на меня и срывается со своего места. Появляются они уже втроем: бланк, телеграфистка и зав. телеграфом, которая вежливо, но решительно требует:

— Удостоверьте, пожалуйста, документами, что Вы врач и доктор.

— С какой стати, я могу подписаться кем угодно. По секрету сообщу Вам, что я даже больше... Я министр!

— Не дурачьтесь, удостоверьте свою личность.

- И не подумаю, Ваше дело принять и отправить телеграмму, проверкой моей личности могут заняться другие органы.

Слово "органы" ее немного обескураживает.

- Покажите хоть паспорт, - просит она. Ее тревога понятна. Заявляется какой-то неизвестный и так, запросто, обращается к "ним", всесильным. "Они" могут обидеться, вызвать ее и пойдет такое... "Ты почему, такая-сякая, принимаешь непочтительные телеграммы?! Разжаловать ее в курьеры!" "Они" это не могут, но она не знает, могут или не могут, это я знаю. А может быть, и я не знаю, может быть все-таки могут? Ну, не прямо, не сразу. Сначала - на карандаш, как-нибудь еще - и т.д. Тогда я об этом не подумал, был бы добрее, а не показал бы кусочек паспорта, вытянутый из кармана.

- Разве Вам трудно его развернуть, я только посмотрю фамилию.

- Нет, принципиально не хочу, чтобы не создавать прецедента.

- Это служебная телеграмма, поэтому Вы обязаны удостоверить свою личность, - ей кажется, что аргументы ее неопровержимы и она торжествует победу.

- Ничего подобного, это не мой больной, он лечится у другого врача. Дается запрос частного лица служебному, а не наоборот.

- Не могу и не просите.

Пожимая плечами и, как бы сдаваясь, равнодушно говорю:

- Тогда распишитесь внизу или на обороте, что принять телеграмму не можете.

Мне очень хочется получить ее автограф с печатью. Бланк я перепишу, проставлю одну фамилию, но на руках у меня останется любопытный документ. Это стало моим небольшим хобби. Правда, первенство все равно остается за приятелем. Он сумел получить в домоуправлении справку, подписанную и заверенную печатью, что он - мой приятель, не верблюд. Но все-таки и моя что-то стоит. Увы, она что-то уловила, сдвиг биополя, что ли, почувствовала и отказывается подписывать. Телеграмма принята, но как я теперь думаю... не была отослана. Не мог я не получить ответа на такой шикарный текст. Забыл, забыл написать

уведомление о вручении!

Вернувшись домой, решаю, что прежде всего нужно как-то помочь Филимонову. Это и желание Кирилла, поэтому посылаю в ГУИТУ следующее письмо.

Начальнику ГУИТУ МВД СССР
копия - ген. прокурору СССР

8-9 января с/года в г. Липецке проводилось судебное разбирательство по делу моего сына Подрабинек Кирилла Пинхосовича.

8-го председательствующий судья Борисенок запретил мне вести записи, предупредил, что в случае нарушения этого запрета я буду удален из зала заседания до конца судебного разбирательства.

Вследствии этого привожу отрывок из судебного следствия на память. Отдельные выражения, последовательность фраз могут быть неточны, но за правильность сути беру на себя полную ответственность.

Б. (Борисенок) - Введите свидетеля Филимонова.

Вводят осужденного Филимонова Анатолия, который дает о себе краткие сведения: проживал в г. Ленинграде, 1956 г. рождения, отбыл трехлетний срок наказания, но за нарушения задержан в тюрьме еще на некоторое (небольшое) время.

Б. - Свидетель Филимонов, расскажите, что Вы знаете о преступных действиях обвиняемого Подрабинек. Сначала подпишите вон в этом листе, что отвечаете за дачу ложных показаний.

Ф. (Филимонов) - Я показаний давать не буду.

Б. - Но Вы знаете Подрабинек?

Ф. - Знаю.

Б. - Так почему же не будете давать показаний?

Ф. - Гарантируйте мне личную безопасность, тогда дам.

Б. - Что за новости, никто и ничто Вам здесь не угрожает. Чего Вы боитесь?

Ф. - Здесь ничего. Гарантируйте безопасность, тогда все расскажу.

Б. - Вы давали на следствии показания?

Ф. - Да.

Б. - Так подтвердите их.

Ф. - Я отказываюсь от своих письменных показаний на следствии.

Б. - Почему?

Ф. - Они были ложными.

Б. - Зачем Вы давали ложные показания на следствии?

Ф. - Под страхом.

Б. - Страхом чего?

Филимонов некоторое время молчит, колеблется, затем решается.

Ф. - Страхом пресс-камеры.

Б. - Это что за камера, никогда не слышал.

Ф. - О ней знают все заключенные. Пресс-камера, пресс-хата, в которой избивают, уродуют лиц по предписанию администрации.

Б. - Кто же их избивает и, как Вы говорите, уродует?

Ф. - Подобранные заключенные.

Б. - Вас били?

Ф. - Нет.

Б. - Так откуда же Вы знаете об избивениях?

Ф. - От своих сокамерников Абдулаева и Мошкина, которых били.

Б. - Вы видели, как их били?

Ф. - Мошкина избивали до того, как он появился в нашей камере, и продолжали бить, когда он пытался обжаловать это в УИТУ г. Липецка, Абдулаева сильно увечили во время моего пребывания в камере. Все-таки это советская тюрьма, а не чилийская хунта!

Б. - Подсудимый, у Вас имеются вопросы к свидетелю?

К. (Подрабинек) - Имеются. Свидетель Филимонов, Толик, Вы не знаете, снимался кто-нибудь с должности из администрации в связи с разоблачением о пресс-камере?

Б. - Вопрос снимается.

Ф. - Знаю, было снято три человека.

К. - Больше вопросов нет, администрация, конечно же, была в курсе дела.

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА ПОДСУДИМОГО

... Я не буду защищаться, я буду нападать. В защите нуждается Филимонов, человек исключительного мужества, человек совести, которого ждут серьезные бедствия. Пресс-камера - это филиал "ада на земле". Я знаю заключенного, которому отбили почки и он умер вскоре после выхода на свободу, знаю другие случаи.

Филимонов выбрал правильную позицию, дав на предварительном следствии ложные показания под угрозой физического насилия. Иначе он попал бы в пресс-камеру (53, бывшую 1-ю), и не попал бы на суд, чтобы подтвердить и разоблачить это ужасное беззаконие.

Я расскажу еще и о других издевательствах и мучениях, претерпеваемых осужденными, не мирящимися с унижением их человеческого достоинства...

Филимонов и Подрабинек находятся в учреждении ЮУ-323/ст. 2. Речь идет о пресс-камере в этой тюрьме (Елец).

ПОДРАБИНЕК ПИНХОС АБРАМОВИЧ

г. Электросталь, Московская обл.
ул. 8 марта, д.23, кв.2

Не бог весть что, но может быть высшее начальство пожелает придержать рвение местных властей, чтобы избежать широкой огласки скандального инцидента. О неожиданных последствиях моего письма в ГУИТУ несколько ниже. Через неделю я получил извещение, что оно переправлено для проверки в соответствующие инстанции, а некоторое время спустя и ответы из последних.

Прокуратура СССР

Прокуратура

Липецкой области

398600, г. Липецк, ул. Фрунзе 4

на № 10.02.81 от 7-2306

Ваша жалоба, поступившая из Прокуратуры СССР на применение к осужденным администрацией учреждения ЮУ-323/ст.2 незаконных мер воздействия, прокуратурой области рассмотрена.

Доводы жалобы о том, что в учреждении имеется "пресс-камера", которая используется для оказания давления на осужденных, не нашла своего подтверждения.

Осужденные Филимонов, Абдулаев и другие в своих объяснениях показали, что про "пресс-камеру" они ничего не знают, в ней не бывали, притеснения со стороны осужденных и администрации учреждения к ним не имели место, их никто не избивал. Далее, Филимонов пояснил, что в суде он отказался от дачи показаний по просьбе Вашего сына - Подрабинек К.П.

Осужденный Ларин в суде пояснил, что неизвестные лица вызвали его два раза для разговора по междугороднему телефону. Неизвестный требовал, чтобы он на суде никаких показаний не давал, и высказывал угрозу, если он этого не сделает.

Изучение материалов личных дел осужденных Абдулаева, Мошкина и Филимонова показало, что жалоб от названных осужденных об избиении их и претензий не поступало.

При таких данных Ваши доводы о недозволенных мерах воздействия к осужденным не нашли подтверждения.

Помощник прокурора области
по надзору за соблюдением
законов в ИТУ
юрист I класса (подпись) А.Г. Хрипунков.

ИТУ УВД Липецкого облисполкома
11 февраля 1981 г. № 3-II

Ваша жалоба, адресованная начальнику ГУИТУ МВД, проверена Управлением исправительно-трудовых учреждений УВД Липецкого облисполкома.

В результате проверки факты неправомерного воздействия в учреждении ЮУ-323/ст.2 на осужденных Абдулаева, Мошкина и Филимонова не подтвердились. Указанные осужденные письменно пояснили, что в так называемых "пресс-камерах" они никогда не содержались и физическим притеснениям не подвергались, о существовании таких камер им ничего не известно.

Осужденный Филимонов также пояснил, что от дачи показаний в суде он отказался по просьбе Вашего сы-

на Кирилла.

Начальник Управления

(подпись) А.А. Шумилов.

До получения этих двух писем произошло кое-что любопытное, но об этом, как я уже говорил - немного позже.

Почти одновременно с письмом в ГУИТУ я послал другое, в Липецкий нарсуд. Борисенок, запретив мне на суде вести записи, пояснил, что в них нет у меня нужды, поскольку всегда можно будет ознакомиться с протоколом судебного заседания. Я не настолько наивен, чтобы ему поверить, да и запись секретаря не тот фонтан, из которого хотелось бы напиться, а к магнитофонной записи, если она велась, никто меня не допустит. Тем не менее любопытно, что мне ответят, обещание все-таки было дано. Ну, и заодно требую мне выслать копию приговора, тоже не рассчитывая его получить.

- Копии приговоров мы родным высылаем, - объяснила мне секретарь, когда мы с ней прощались, - но Вы были свидетелем и к Вам это не относится.

- Вы же сами видели, что свидетель из меня не состоялся, кроме того, Ваш шеф утверждал, что все родственники на судах свидетели, значит никто из них, вопреки Вашим словам, не получает копий? Разберитесь-ка в этой путанице!

Борисенок мне надоел, да и просьбе своей хочу придать характер эдакого будничного, само собой разумеющегося пустяка, поэтому адресуюсь к секретарю суда.

Получаю ответ.

Липецкий областной суд.

22.01.81 2-4/81

При этом Вам высылается копия приговора на Подрабинек К.П. На Вашу телеграмму разъясняю, что согласно требованиям ст.ст. 264-265 УПК РСФСР участники процесса вправе ознакомиться с протоколом судебного заседания. В течение трех суток после его подписания обвинитель, защитник, подсудимый могут

подать свои замечания на протокол.

Протокол по делу Подрабинек К.П. подписан 14 января 1981 г. Никто из участников процесса с протоколом незнакомился и замечаний не приносил.

Вы, согласно закону, не вправе ознакомиться с протоколом, т.к. не являетесь участником процесса.

Приложение: копия приговора на 4-х листах.

Председательствующий по делу
(подпись) Ф.Ф. Борисенок

Да, верно, приложена копия приговора. Судья мне преподнес ценный подарок, и я не благодарю за него лишь потому, что знаю - он не хотел доставлять мне удовольствие. Верчу документ в руках, испытываю на ощупь, на свет, даже на зуб и подозрительно на него кошусь. Право же, получи я собственноручные письма Тамерлана, не был бы так удивлен. А убедившись, что это не фальшивка, гадаю: как это все-таки случилось?

Самые нелепые предположения о судьбе отметаю. Нет, так далеко я не захожу. Думается, его утомила борьба с Кириллом, со своей совестью и к тому же увлекла инерция. Он так настойчиво твердил, что судит Кирилла как обыкновенного уголовника, что разрешил выдать мне копию приговора, забыв, что дело все-таки политическое.

Он приложил большие усилия, чтобы избежать гласности судебного разбирательства и вдруг - полный текст приговора! Поистине и "на старуху бывает проруха".

Нередко на суды по статье 190¹ и 70 родственники допускаются, иногда им позволяют кое-что записывать, но я не знаю случая вручения им текста приговора. Еще бы, ведь он раскрывает в какой-то мере тайну судопроизводства, сохраняемую как святая святых.

Слава Фемиде, снявшей повязку с глаз хоть после суда! Меня богиня правосудия одарила редким документом, а судью превратила в историческую личность. Я теперь могу сказать: "Смотрите и судите, это было так, вот объективное доказательство".

П Р И Г О В О Р

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Судебная Коллегия по уголовным делам Липецкого Областного суда в составе:

председательствующего Борисенка Ф.Ф.

народных заседателей Болмасова В.Я.,

Кошелкиной Л.Н.

при секретаре Тихоновой М.П.

с участием прокурора Нужнова А.С.

и адвоката Бобряшовой Л.В.

Рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Липецке 9 января 1981 дело по обвинению

ПОДРАБИНЕК Кирилла Пинхосовича, 24/IV-1952 года рождения, уроженца г. Москвы, еврей, беспартийный, с образованием 11 классов, женат, военнообязанный, судим 14 марта 1978 г. за незаконное хранение оружия, незаконное приобретение и хранение боевых припасов - ст. 218 ч. I УК РСФСР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, проживал в г. Электросталь Московской области, ул. Мира, дом 6, кв. 47 - в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР,

У С Т А Н О В И Л А

Подрабинек К.П. в марте 1978 года осужден за незаконное хранение оружия, незаконное приобретение и хранение боевых припасов к 2 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Отбывая наказание в учреждении ЯЦ-34/16 Тюменского обл-исполкома, стал отказываться от всякого общественно-полезного труда, нарушать режим. На политико-воспитательную работу не реагировал.

По представлению администрации учреждения суд определением от 7 августа 1978 г. за нарушение требований

режима отбывания наказания в качестве меры взыскания перевел Подрабинек К.П. из исправительно-трудовой колонии общего режима в тюрьму. Продолжая отбывать наказание в тюрьме, учреждении ЮУ-323/ст.-2 Липецкого облисполкома, Подрабинек на путь исправления не стал.

Начиная с мая 1978 г. и по июнь 1980 года, он систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, среди осужденных в учреждениях ЯЦ-34/16 и ЮУ-323/ст.-2.

В частности Подрабинек в явно искаженном тенденциозном виде говорил, что в Советском Союзе отсутствует демократия, свобода слова, печати, собраний. Конституцию СССР называл фикцией, утверждал, что члены Коммунистической партии Советского Союза являются эксплуататорами народа, что выборы в государственные органы не свободные, права евреев в СССР нарушаются, что СССР является колониальной державой, в которой евреи, казахи и другие народы занимают угнетенное и бесправное положение. Подрабинек оскорбительно и клеветнически отзывался об основателе КПСС и Советского государства В.И. Ленине, одном из руководителей нашего государства.

Подрабинек в судебном заседании себя виновным не признал, от дачи показаний об обстоятельствах совершения преступных деяний отказался.

Свидетель Мурашкинцев А.Е. показал, что он отбывал наказание вместе с подсудимым Подрабинек в 1978 году в учреждении ЯЦ-34/16. Подрабинек говорил ему и другим заключенным о том, что в СССР нет свободы слова, печати, народы СССР не имеют прав, демократия отсутствует, называл Советский Союз колониальной державой, в которой евреи, казахи и другие нации занимают угнетенное и бесправное положение. Оскорбительно отзывался о В.И. Ленине, высказывал неправильные суждения о его деятельности, такие же высказывания допускал об одном из руководителей советского государства. При чем Подрабинек угрожал свидетелю Филимонову отказаться от своих показаний.

ний, данных в стадии предварительного следствия, в которых тот изобличал подсудимого.

Свидетель Пестов показал, что слышал наряду с другими осужденными высказывания Подрабиника, в которых он порочил советский государственный строй, оскорбительно отзывался о руководителях государства, говорил, что партия эксплуатирует граждан СССР.

Свидетели Никитин, Ревнивых, в стадии предварительного следствия свидетели Томилов, Соколов, Глухих дали показания, изобличающие Подрабинек в распространении им заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Свидетель Овчинников С.Н. показал, что он с ноября 1978 года по апрель 1979 года отбывал наказание в учреждении ЮУ-323/ст.-2 вместе с Подрабинек. В комнате, где размещалось семь заключенных, Подрабинек систематически говорил всем об отсутствии в СССР свободы слова, давал неправильную клеветнического характера оценку деятельности Советского правительства, утверждал о притеснении в СССР евреев, распространял другие измышления клеветнического характера.

Свидетели Кононов, Австриевский, Руднев, Красильников, Малых, Катаев, Ларин, Малявин, Александров, в стадии предварительного следствия Ананьев, дали показания, из которых следует, что Подрабинек в учреждении ЮУ-323/ст.-2 с осени 1978 года по июнь 1980 года среди лиц, отбывающих наказание, систематически распространял различного рода сведения, характеризующие советский государственный и общественный строй в явно искаженном и тенденциозном виде.

Свидетель Филимонов в стадии предварительного следствия дал показания, подтверждающие виновность Подрабинек в предъявленном ему обвинении. На суде Филимонов отказался от своих первоначальных показаний и заявил, что эти показания дал под влиянием администрации учреждения ЮУ-323/ст.-2. Конкретных лиц не называл.

Судебная коллегия, оценив те и другие показания Филимонова в совокупности со всеми материалами дела, находит его показания, данные в стадии предварительного следствия, достоверными (л.д. 54-55). Свои показания он изменил в пользу Подрабинек под влиянием последнего. Это обстоятельство нашло подтверждение в показаниях свидетеля Мурашкинцева.

Подсудимый Подрабинек склонял и других свидетелей по делу изменить свои показания в его пользу.

Из имеющихся в деле писем, приобщенных в качестве вещественных доказательств, видно, что подсудимый предлагал Катаеву отказаться на суде от своих показаний.

Почерковедческая экспертиза дала заключение, что рукописные тексты, адресованные Катаеву, выполнены Подрабинекком.

Свидетель Ларин показал, что неизвестные лица вызывали его два раза для разговора по междугороднему телефону. Неизвестный потребовал, чтобы он на суде никаких показаний в отношении Подрабинек не давал и высказывал угрозу, если он этого не сделает. Он не стал разговаривать. На повторный вызов для разговора не пошел.

Приведенные доказательства в совокупности достаточно полно подтверждают виновность Подрабинек в совершении преступных деяний, предусмотренных ст. 190-1 УК РСФСР.

Утверждение подсудимого Подрабинек о том, что свидетели, отбывавшие с ним наказание в учреждении ЮУ-323 /ст.-2, дали ложные показания по делу, не нашло своего подтверждения в ходе судебного разбирательства. Судебная коллегия находит, что это его утверждение направлено на избежание ответственности за содеянное и носит защитительный характер.

Действия Подрабинек органами предварительного следствия квалифицированы по ст. 190-1 УК РСФСР правильно, поскольку он систематически умышленно распространял среди граждан в устной форме заведомо ложные измышле-

ния, порочащие Советский государственный и общественный строй.

При назначении Подрабинец наказания, судебная коллегия учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, его личность, упорное нежелание стать на путь исправления. Обстоятельства, отягчающие ответственность: совершение преступления повторно.

Учитывая приведенные обстоятельства, характер совершенного преступления, судебная коллегия пришла к выводу о необходимости назначения Подрабинец наказания в виде лишения свободы.

В силу изложенного и руководствуясь ст.ст. 301-303, 313-315 УПК РСФСР, судебная коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А

Подрабинец Кирилла Пинхосовича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР и подвергнуть его наказанию в виде лишения свободы сроком на три года в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Наказание исчислять с 24 июня 1980 г.

Меру пресечения оставить содержание под стражей.

Приговор может быть в течение семи суток обжалован защитником, опротестован прокурором в Верховный Суд РСФСР через областной суд с момента его оглашения, Подрабинец в тот же срок с момента вручения ему копии приговора.

Член суда - Борисенко Ф.Ф.

Народные заседатели - Болмосов В.Я.

Кошелкина Л.Н.

Верно: Член суда (подпись) 12.01.80 г.

Секретарь (подпись) Ш.Т. Гербовая печать

Здесь два десятка абзацев, каждый из которых грешит против истины. Останавливаю внимание на самых существенных.

Начинается он словами: "Рассмотрев в открытом судебном заседании..." Это неверно. Открытость заседания подразумевает предварительное оповещение о нем и возможность присутствия на нем каждого желающего. Между тем, извещение о суде над Кириллом было вывешено лишь в самый день суда, а залик на 25 человек до отказа набит избранной публикой – оперативными работниками ГБ и МВД, руководящими деятелями города и области, командированными с производства активистами, которые первым делом занялись оформлением своих путевок.

Затем следует, что коллегия... установила: "Подрабинек К.П. в марте 1978 года осужден за незаконное хранение оружия, незаконное приобретение и хранение боевых припасов..."

Внимающий судье вообразит солидный оружейный склад. Холодно поблескивают стволы винтовок, хищно разинули жерла пулеметы и стройными рядами застыли ящики с патронами... А ведь был всего-навсего гладкоствольный пистолет для подводной охоты, который приобретается в магазине, да горсть капсулей "жевело". Кстати, принадлежность их Кириллу так и не была доказана.

Одной из форм лжи является сокрытие истины, не так ли, судья?

Далее он переходит к сути преступления Кирилла: "... он систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, среди осужденных..." – и уточняет: "... в явно искаженном, тенденциозном виде говорил, что в Советском Союзе отсутствует демократия, свобода слова, печати, собраний, конституцию СССР называл фикцией..." и т.д.

Беда судьи в том, что ссылками на многочисленных свидетелей он не доказал свой тезис, в данном случае количество не перешло в качество. Пусть он вспомнит, как свидетели-заклученные мучительно молчали у трибуны до тех пор, пока зачитанием их показаний на предварительном следствии, т.е. подсказкой, он у них вытягивал скупые слова: "Да. Говорил. Это". Как неожиданно обнаружилось,

что Кононов и Александров давали письменные показания зампрокурору по надзору Фролову лишь после предъявления им таких же показаний предыдущих свидетелей. Как выяснилось, что Катаев признал себя "подсадной уткой" Кирилла и консультировался с ним, что же ему, Катаеву, говорить. В приговоре нет и намека на эти и другие обстоятельства, подрывающие достоверность утверждений в приговоре.

Но, допустим, все было так, как он пишет. Он, конечно же, обратил внимание на то, что Кирилл не отрицал своей деятельности, а просто доказывал, что судья работает плохо и вынужден прибегать к "заведомо ложным измышлениям!" чтобы бросить его еще на три года в застенки. Основная задача, которую Кирилл себе ставил, была иная - разоблачить жестокие порядки в тюрьме и лагере, в которых он находился. Итак, представим себе, что Кирилл говорил то, что судья ему приписывает, и в той же примитивной и не особенно грамотной форме.

"Ну, и что же?" - спрошу я его.

Свидетели от администрации показали в суде, что много с Кириллом разговаривали, объясняли ему, что он заблуждается, ошибается, неправ. В приговоре это отражено словами: "На политико-воспитательную работу не реагировал", "на путь исправления не стал", "упорное нежелание стать на путь исправления". Спросим себя - в чем причина такого упорства?

Он олигофрен? Отпадает. Не подходит для человека, посылающего из тюрьмы заметки по физике ферментативного катализа и хорошие стихи. Корыстные мотивы? Отпадает. Какая же корысть в тюремной похлебке и прогрессирующем туберкулезе?

Можно бы подумать о длинной руке ЦРУ, но ведь это даже судье не пришло в голову (в голову прокурора пришло), самая длинная рука не проходит сквозь стены тюрьмы, разве что в фантастических **рассказах**.

Перебери судья всевозможные варианты, все равно он пришел бы к единственно верному - Кирилл высказывал свои убеждения, а его оппонентам не удалось его переубедить: у него один опыт, он одним образом оценивает факты, они - другим.

Слышу, слышу его голос из Липецка: "Мы его судили

не за ошибочные убеждения, не за ложные мысли, а за распространение их в устной форме".

Так вот, позволю себе заметить, что слово есть выражение мысли, что без слова бы мы с ним - судьей опустились на четвереньки и разучились бы мыслить. Мысль без слова так же ущербна, как музыка без инструмента.

Краткий итог: попытка инкриминировать Кириллу распространение ложных измышлений о советском государственном и общественном строе провалилась из-за отсутствия доказательств. Такая попытка бесплодна, так как "ложные измышления" Кирилла могли быть только выражением его убеждений, а потому неподсудны.

Есть в приговоре и другая, более скандальная сторона. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что в лагере и тюрьме применяется физическая расправа с негодными администрации заключенными. В шизо лагеря Юров пытался избить Кириллу, в тюрьме Овчинников избивал Сазонова, Макарова, Репнева. Филимонов отказался на суде от своих следственных показаний, признав их ложными и написанными под угрозой расправы в пресс-камере. Он назвал людей, которых там избивали по наущению администрации: Мошкина, Абдулаева. Кирилл это подтвердил, указав лиц, которые были сняты с должностей за эти беззакония. Словом, было приведено достаточно фактов, чтобы вызвать у судьи беспокойство или хотя бы интерес.

Насколько я понимаю, он должен был вызвать в качестве свидетелей лиц, устраненных от должностей, осужденных, избиваемых по их указаниям, соответственно ходатайству Кириллы. Он был обязан разобраться в неожиданно возникшей проблеме ввиду ее самостоятельного значения и значения в рассматриваемом конкретном деле. Он прошел мимо. По лени? Бюрократическому настрою? Нежеланию ввязываться в конфликт с органами МВД и КГБ?

Никакого частного определения по этому делу он не вынес, а в самом приговоре попытался утаить эти скандальные обстоятельства. И действительно они ускользают от внимания непосвященных, но мы-то с ним знаем, что скрывается за некоторыми фразами. К примеру:

"Свои показания он (Филимонов А.Н.) изменил в пользу Подрабинек под влиянием последнего. Это обстоятельство нашло свое подтверждение в показаниях свидетеля

Мурашинцева". Изменил ли Филимонов свои показания под страхом пресс-камеры, этого "филиала ада на земле", по выражению Кирилла? Есть, была ли пресс-камера, вот что следовало бы выяснить, а судья подменил этот вопрос другим, да и ответил на него неудачно.

Каждого очередного свидетеля вводили по его вызову тотчас, спустя секунды. Только Мурашинцев, следующий за Филимоновым, задержался минут на 5-8. Почему? Он показал, что видел, как Кирилл погрозил Филимонову кулаком, что-то шепнул ему и передал сигареты. Все это, по словам Мурашинцева, произошло в течение двух минут их случайной встречи в следственном изоляторе перед разводом по боксам. Полноте, судья! Двухминутный сеанс "пряника и кнута", угроза кулака Кирилла, с которым Филимонов едва ли еще встретится, кулака истощенного, больного человека, подкуп сигаретами, самым дешевым предметом обихода... Бросьте-ка на другую чашу весов реальную опасность, связанную с отказом от собственных показаний (лжесвидетельство, статья 181 УК) и вероятность подвергнуться обработке в пресс-камере или тем же Овчинниковым, и взвесьте. Вы же сами не верите тому, что написали.

Я бы мог продолжить анализ произведения судьи, но остановлюсь лишь на одной детали.

Судья представляет собой равнодействующую двух противоположных сил - обвинения и защиты. Почему же он отклонился от этого золотого правила? Почему неустанно склонялся на сторону обвинения, игнорируя замечания защиты? В приговоре он со всей суровостью подчеркнул обстоятельства, отягощающие вину сына, но ни буквы нет в нем об обстоятельствах смягчающих. У Кирилла в тюрьме не было административных взысканий. Он отец шестилетнего сына. Он болен туберкулезом, заполученным им в тюрьме. И судья обрек его не только на лишение свободы, но и здоровья, возможно - жизни.

Судья беспристрастный, судья неподкупный, Ваша совесть спокойна?

Так примерно я хотел ответить открытым письмом судье на его приговор Кириллу, но вмешались обстоятельства, изменившие мое намерение.

17 февраля утром звонок, открываю дверь... Рябчиков, мой куратор из городского ГБ. Приглашает явиться, показывает повестку.

- Расписываться не будете? - спрашивает он для проформы.

- Конечно, нет.

У нас давно решено, что его документов я не подписываю, но, сказав "приду", значит буду. Через час являюсь к нему в ГБ. Он сегодня суров и важен, мой Рябчиков. Зачитывает бумажку, в которой перечислены мои последние прегрешения: статьи в журнал "Поиски", почему-то именуемый нелегальным, рукописную статью "Обратные связи при социализме", изъятую на последнем обыске и... мое письмо в ГУИТУ с отрывком из судебного заседания.

- Я уполномочен Вам сообщить следующее, - говорит Рябчиков, - в прошлом году Вас неоднократно предупреждали, с Вами разговаривал председатель горисполкома в присутствии секретаря горкома и прокурора, я трижды беседовал, но профилактическая работа оказалась безуспешной, Вы продолжаете ложно измышлять о советском государственном и общественном строе. Вы на грани преступления, и это официальное предупреждение - последняя мера. Еще одно замечание, и будем разговаривать в другом месте, а этот листок будет приобщен к Вашему уголовному делу. Подписывать будете, вопросы есть?

- Подписывать не буду, есть замечания. О профилактике в связи со статьями в неофициальный журнал "Поиски" не может быть речи, так как они помещены в журнал до всяких бесед о них, "Обратные связи при социализме" - статья рукописная, к тому же не имеет никакого отношения к советской власти, а письмо в ГУИТУ не может быть клеветническим, как Вы изволите его назвать, так как в нем описан эпизод на суде с почти протокольной точностью и не содержит моей оценки.

- Дебатировать не будем, можете идти.

А если в самом деле последнее предупреждение? Тогда открытое письмо Борисенку толкнет меня за решетку, а мне нужно успеть закончить этот репортаж о процессе. Приводить же открытое письмо, которого я не посылал, не могу, не этично. Так пусть не оно, а этот небольшой мой

опус окажется моим последним словом на свободе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Процесс закончен, но перед тем, как поставить последнюю точку, я себя спрашиваю: на что он был похож, этот процесс?

Разумеется, на все такого же рода процессы, но тогда, на что же они все похожи? Может быть, сравнить их с процессами в других странах или в другие эпохи? Тотчас бросаю эту мысль, мне определенно не интересно такое занятие. Что же мне нужно? Сущее идиотство, человек чего-то хочет, а что именно, не может сказать.

"Ну, и плюнь", — подсказывает здравый смысл, но я погружаюсь в сумерки мозга, спотыкаюсь на каждом шагу о неверные суждения и в конце концов прихожу к удивительному заключению: я потому запутался, что была ошибочна исходная посылка, я искал, на что похож процесс, а его не было!

Состоялось некоторое мероприятие, акция, происшествие, в общем, феномен, который я принял за процесс, поддавшись обману слов, это со мной нередко случается. Считаю феномен процессом, я хотел сравнить его с другими, тогда как следовало сначала выяснить, что это за феномен и допустимо ли такое сравнение.

Мне не хочется подбирать феномену название, буду его условно именовать квази, сокращенно К-процессом. От истинного он отличается предрешенностью исхода, это его основная особенность. Ей соответствует способ его проведения, специальный алгоритм, исключающий логику доказательств. Отсюда странности К-процесса для свежего восприятия. Уф, можно ставить последнюю точку, странности эти мной описаны и не начинать же снова, вызывая к свежести восприятий.

И вновь заминка. "Дружок, — говорю я себе, — ты показал, на что процесс не похож, а не на что он похож". Чувствую, что замечание верное, копаюсь в памяти и не могу вспомнить. А ведь я определенно читал... Стоп. Стоило мне написать слово "читал", как все становится на место. Кафка, "Процесс". Поразительно, что я мог забыть,

когда само слово вынесено автором в заглавие. Но неужели смутные видения декадента, импрессиониста, мистика, как его только не называют, зыбкие, болезненно-фантастическо-магорические письма чем-то похожи на К-процесс? Утверждаю, что ничего более сходного не встречал и берусь это доказать, благо книга у меня под рукой. Известный одномник "Роман, новеллы, притчи", 1965, издательство "Прогресс".

Арест. "Вы чиновники? Но на вас нет формы, если только ваш костюм, - тут он обратился к Францу, - не считать формой..." - говорит (стр. 8) Йозеф К., неизвестно кем и в чем обвиняемый, обращаясь к одному из пришедших его арестовать людей.

С такими чиновниками и встречаются живые герои К-процессов.

Обвиняемый и его близкие. "Хочешь проиграть процесс? - волнуется дядя К., - да ты понимаешь, что это значит? Это значит, что тебя просто вычеркнут из жизни. И всех родных ты потянешь за собой или, во всяком случае, унизишь до предела" (стр. 167). Дядя как в воду глядел, жена Кирилла не вынесла унижений и разводится с ним, а самого его ничего хорошего не ждет, когда (если?) он выйдет на волю. "Кто процесс допускает, тот его проигрывает", - добавляет дядя и опять прав. По статье 190-1 никому еще не удавалось с честью выйти из зала суда оправданным.

Обвиняемый и суд. "... а теперешнее правосудие, очевидно, состоит в том, чтобы осудить человека не только невинного, но и неосведомленного" (стр. 117). Удивительно меткое замечание Йозефа К. Родные и друзья обвиняемого тратят время и силы, чтобы узнать, где он, что с ним происходит, чего хочет. Он, в свою очередь, бьется над тем, что предпринимается в его защиту, как объясниться с близкими, в чем суть статьи, которую ему инкриминируют. "Поймите, что мне совершенно безразлично, чем кончится этот процесс, и над их приговором я буду только смеяться". (стр. 121). Это кто сказал, Йозеф К. или Кирилл П.?

"Может быть, все мы тут не такие уж злые, может быть, мы охотно помогли бы каждому, но ведь мы в суде, и нас легко принять за злых людей, которые никому не желают

помочь" (стр. 140). А это кто сказал, хорошенькая секретарша суда над Йозефом К. или хорошенькая секретарша суда над Кириллом П.?

Обвиняемый и защита. "Он не знал, что предпринимает адвокат; ничего особенного он, во всяком случае, не делал, вот уже больше месяца не вызывал его к себе, да и все их предыдущие переговоры не создали у К. впечатления, будто этот человек способен чего-нибудь добиться для него" (стр. 185). Ф. Кафка подслушал мои разговоры с Поздеевым и перенес их в свой роман, слегка изменив, чтобы скрыть плагиат.

Да, "никогда еще я столько не тревожился из-за процесса, как с того момента, когда вы взяли на себя защиту моих интересов..." Это уже я списал у Кафки (стр. 265), тоже искажив, чтобы скрыть заимствование, хотя вспомнил о Кафке после завершения своего "процесса".

Защита и суд. "Дело в том, что суд, собственно говоря, защиту не допускает, а только терпит ее, и даже вопрос о том, возможно ли истолковать соответствующую статью закона в духе такой терпимости, тоже является спорным" (стр. 187). "Э, - сказали мы с Иваном Ивановичем, то бишь, с Йозефом К.", совершенно согласные в том, что "чрезвычайно ошибочно делать вывод, что в этом суде адвокаты обвиняемым не нужны. Напротив, ни в каком другом суде нет такой настоятельной необходимости в адвокатах. Дело в том, что все судопроизводство является тайной не только для общественности, но и для самого обвиняемого... Вот тут-то и вмешивается защита" (стр. 188). Ну, и т.д.

Меня живо занимает природа познания, и я даже разработал небольшую гипотезу этого странного явления, но пророчества в эту гипотезу не вписываются, придется ее пересмотреть. Я вообще никогда не принимал всерьез пророков, а кажется, зря, Франц Кафка меня сбивает с панталыку. Одно дело, когда сбываются древние предсказания, они столь неопределенны, что уж какое-нибудь из толкований приходится по вкусу. Но чтобы пятьдесят лет назад предвидели, как заберут Кирилла, что я подумаю о Поздееве и какими словами секретарша суда выразит свои эмоции, это для меня непостижимая тайна. Пусть в ней разбирается более глубокий ум, я же извлеку из нее прак-

тическую пользу. Отныне забрасываю комментарии к кодексам, из них не добьешься толку, и К-процессы изучаю по Кафке. Конечно, его книгу придется теперь припрятывать, мало ли, что она издана у нас, все равно отнимут на ближайшем обыске.

В "Международный комитет защиты
братьев Подрабинеков"
В "Международную Амнистию"
В "Международный Красный Крест"

ОБРАЩЕНИЕ

Нас, ближайших родственников братьев Подрабинеков, тревожит их положение в настоящее время.

Кирилл и Александр почти одновременно (в июне 1981 г.) в порядке взысканий были заключены в помещение камерного типа на 4 месяца каждый. От обоих с этого времени нет писем.

Обеспокоенные, мы посылали различные письма-запросы начальству разного уровня, пытаясь выяснить причины молчания братьев, предполагаемый срок дальнейшего содержания их в помещении камерного типа или штрафном изоляторе, причины различных взысканий, которым они подвергались — лишение ларька, свиданий, переписки, лишение Александра очередной бандероли (что нарушает статьи "Исправительно-трудового кодекса РСФСР").

На все запросы мы получаем стереотипные ответы: "Они здоровы". Таким образом, Кирилл в процессе переписки "излечился" от туберкулеза, а Александр неизменно "чувствует себя хорошо".

По неофициальным сведениям сейчас Александру грозит 70-ая статья УК РСФСР.

Одинаковые, все ужесточающиеся меры взыскания к обоим братьям и совпадение их во времени заставляют думать о запрограммированности этих действий.

Мы можем предположить, что со стороны властей возможны новые репрессии по отношению к нашим близким, поэтому предаем все это гласности.

Вот адреса братьев: Подрабинек Кирилл Пинхосович
152620, Углич Ярославской области,
Учр. ЮН-83/3
Подрабинек Александр Пинхосович
677023 ЯАССР, Якутск-23
Большая Марха, Учр. ЯД-40/5

14 декабря 1981 г.